

Дмитрий
АГАЛАКОВ



ПАНТЕРА
ЛЮДВИГА
ОПЕНГЕЙМА



МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ



Дмитрий Валентинович Агалаков
Пантера Людвиг Опенгейма
Серия «Мастера
исторических приключений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023764

Пантера Людвиг Опенгейма : роман / Дмитрий Агалаков.: Вече;

Москва; 2011

ISBN 978-5-4484-7780-5

Аннотация

Сотни лет живет в памяти жителей Крюгендорфа легенда о страшном черном звере, появляющемся лунными ночами на улицах города и забирающем души отъявленных грешников. И зверь тот – любимая пантера графа Людвиг Опенгейма, сподвижника императора Фридриха, основавшего Крюгендорф и завещавшего его людям жить в праведности. Молодой амбициозный актер Давид Гедеон, прочитав однажды объявление на куске промокшей газеты, даже не предполагал, что пойдя в ученики к странному человеку – доктору огненной магии Огастиону Баратрану, ввяжется в поистине жуткую и опасную череду событий, приведших Давида к непростому выбору: умереть или стать сверхчеловеком!..

Содержание

Пролог	5
Часть первая	19
Глава 1	19
1	19
2	27
3	30
4	33
Глава 2	36
1	36
2	43
3	46
4	53
5	62
6	64
7	68
Глава 3	70
1	70
2	91
3	96
4	100
5	106
6	124
Глава 4	130

1	130
2	135
3	140
4	143

Конец ознакомительного фрагмента. 146

Дмитрий Агалаков Пантера Людвиг Опенгейма

Памяти отца посвящаю

*Все предусмотрено заранее: каждый день и
каждый час.*

Франсуа Мориак «Жизнь Иисуса»

Пролог

Незадолго до полуночи на окраине маленького немецкого городка остановилось четверо всадников в длинных плащах, при шпагах. В темном осеннем небе блеснул диск луны. Белый свет очерчивал контур черного ворона, тенью замершего на плече у предводительницы отряда – молодой женщины. Ее смоляные волосы, убранные под широкий берет, открывали бледное, без единой кровинки лицо. Она цепко держала уздечку коня – пальцы ее рук поверх перчаток были тесно увиты перстнями.

– Мы подождем его здесь, Себастьян, – сказала всадница одному из спутников – тощему рыжеусому кавалеру. – Пора получить долг!

Себастьян, голову которого украшала фетровая шляпа с

плюмажем, а правый глаз закрывала черная повязка, улыбнулся:

– В каком образе вы предстанете перед ним, моя госпожа?

Хищное и властное, лицо женщины было обращено к спящему городку.

– Что ты знаешь об этом местечке, Себастьян? – ответила она вопросом на вопрос.

– Только то, что родиться и умереть в таком захолустье – величайшее из наказаний, моя госпожа, – весело откликнулся одноглазый и рыжеусый слуга. – Лучше и вовсе не видеть белого света!

В изломе бровей всадницы звучала гроза, но это не помешало ей снисходительно улыбнуться.

– Мне известно куда больше. Тут столетиями живет легенда о страшном звере – большой черной кошке, которая наводила страх на глупых бюргеров. И вот это мне нравится! А тебе, мой старый друг? – вполоборота спросила она у ворона.

Выглядевшая древней, птица, на одной из лапок которой не было когтя, заерзала у нее на плече. Переступая с ноги на ногу, ворон раскатисто проговорил:

– Грррядет последняя жатва, моя госпожа!

– Как это верно, – усмехнулась женщина заученной фразе. – Лучше и не скажешь!..

У большого стола, заставленного носатыми ретортами,

колбами и другими склянками, тесно переплетенными прозрачными трубками, суетился тощий седоволосый человек. Горевшие свечи в витой бронзе и масляные лампадки, разгонявшие ночной сумрак, потрескивая, помогали ему в работе. Кафтан пожилого человека, когда-то дорогой, нынче был затасканным, залатанным на рукавах, позолота с пряжек его стерлась, пуговицы облезли. Но как блестели глаза старика, когда он растворял порошки в жидкости, что тотчас превращались в шипящую пену!

Другие столы в этой комнате, с наглухо затворенными окнами, были завалены книгами – сотни закладок торчали из них, зачитанных и распухших. Книги покоились и на стеллажах у стен. Там же поднимались буфеты с лабораторной посудой. Едкий запах пропитал здесь каждый пяточок, каждую страницу.

– Кто тебя за дверью ждет? – бережно протирая большую колбу, напевал старый алхимик. – За тобой, как тень, идет? – Он поглядел на стекляшку через свет, прищурился. – Кто с тобою будет впредь? – Довольный, поставил колбу на стол. – Бог и дьявол, жизнь и смерть!

Внизу три раза громыхнул дверной молоток. Затем еще – три. И еще. Лицо алхимика расплылось в улыбке – он ждал этого стука. Он отыскал глазами самый небольшой подсвечник – на три свечи, взял его и, оглянувшись на стол за своей спиной, пошел к дверям...

Лишь этот стол казался необычным в данной обстановке

– к нему, по ширине, с каждой стороны было прибито по длинной доске.

Алхимик осторожно спустился по ступеням, подошел к дверям и спросил:

– Кто?

– Я, хозяин, – торопливо ответил за дверью грубоватый голос. – Открывайте же!

Алхимик поставил подсвечник на полку. Вытащив из кармана старого кафтана ключ, отпер замок, затем отодвинул щеколду. На пороге стоял огромный детина с ношей – в мешке, перекинутом через его плечо, читалась фигура человека.

– Это то, что я просил? – едва дверь была заперта изнутри, поинтересовался алхимик.

Детина, по рябому лицу которого плавали отсветы трех свечей, кивнул:

– Да, хозяин. Ее мачеха сказала, что она – девственница!

– Идем же скорее, – просиял старый алхимик, и первый, держа в руке подсвечник, поспешил по скрипучей лестнице вверх.

Вместе они вошли в лабораторию. Старик тотчас запер и эту дверь.

– Да ты не придушил ее? – спросил он, с сомнением разглядывая неподвижную ношу.

– Нет, хозяин, – уверенно откликнулся слуга, но на всякий случай тряхнул мешок. – Мачеха напоила ее сонным отваром – сказала, проспит часа полтора. А часа полтора уже

прошло, пока я на муле ехал от той деревни.

– А мачеха не проговорится? – нахмурившись, спросил у слуги алхимик.

– Что вы, хозяин! Да ее в землю живьем закопают, узнай, что она продала падчерицу живодерам!

– И то правда, – кивнул старик. – Да и десять золотых станут верной печатью на устах любого мошенника! А ее мачеха, думаю, та еще дрянь! – Он похлопал рукой по мешку. – Ну, покажи, покажи мне ее! Да не здесь же, болван! – Алхимик подтолкнул верзилу. – Неси ее на стол! Беда с тобой! Ох, беда!

Детина пересек лабораторию и осторожно положил ношу на тот самый стол, к которому по ширине были прибиты две доски. Вытащил из-за пояса нож и, аккуратно зацепив широким лезвием материал, распорол его на ладонь. Затем, отложив оружие, запустил в разрез пальцы – и мешковина с сухим треском широко пошла в стороны...

Улыбаясь, старик смотрел на лицо спящей девушки – простое, совсем юное.

– Не будем терять времени понапрасну! – сказал он, и глаза его зловеще блеснули. – Начнем! – Он направился к столу с колбами, бросив через плечо: – Привяжи ее к доскам, да покрепче! И раздень – только до пояса!

Во сне девушка тихонько застонала.

– Спит, деточка, спит, – выдернув из-под нее распоротую мешковину, с вожделением засопел рябой верзила.

– И рот завяжи! – расставляя колбы на рабочем столе, бросил слуге старик. – Хорошенько завяжи – неровен час проснется!

Слуга взялся за дело. Все тем же ножом распорол кофту и нательную рубашку девушки, вытянул и выбросил лохмотья в сторону. То и дело цепляя взглядом созревшую грудь, подмышки девушки с нежными волосками, привязал руки вдоль одной из досок. Задрав юбку, широко друг от друга, по щиколоткам, прикрутил ноги несчастной к другой доске. Нашел тряпку и крепко завязал ей рот.

Девушка сонно замотала головой. Верзила не удержался и провел неуклюжей рукой от ее живота до груди – полной и белой.

– Я все вижу! – окрикнул его старик. – Оглянувшись, он потряс указательным пальцем: – Мне нужна девственница, девственница! Ты понял, олух?

– Ага, – сглотнув слюну, проговорил верзила. – А она хороша – яблочко наливное!

– Эх ты, садовод, – старик уже вновь колдовал над своими пробирками. – Это так, зеленый плод дикой яблони – пнул и пошел дальше. Ну да тебе этого не понять, – мелко рассмеялся он. (Но верзила его и не слушал – он пожирал глазами юную пленницу.) – Что ты знаешь о настоящих плодах? – занятый своим делом, рассуждал старик. – Душистых персиках, роскошных смоковницах, райских яблочках! – С колбой в руке, той самой, которую совсем недавно с таким усердием

протирал, алхимик обернулся к слуге. – Я же сказал, не лапай ее! Мне нужна чистота, болван, горняя чистота! Иначе все пойдет прахом! Пожалуй, пора начинать, пока ты совсем не спятил! – Алхимик оторвался от занятия, подошел к столу. – К слову, она и впрямь мила...

В эту минуту девушка открыла глаза. В первые мгновения она еще думала, что это – кошмар, и сейчас она проснется и стряхнет наваждение. Но сон не проходил. На нее смотрели двое – ухмыляющийся старик и уродливое животное. Затем она рывком подняла голову и увидела, что обнажена. Ужас охватил ее. Но и шевельнуться она не могла – члены ее оказались скованы. Она дернулась, выгнулась, но все напрасно. И крика, уже разрывавшего ее грудь, тоже не было. Кричать могли только глаза. Лишь приглушенный стон отчаяния – эхом ужаса наполнившего сердце жертвы – коснулся слуха алхимика и его слуги.

– Тсс! – приставил сухой палец к губам старик. – Тихо, милая, тихо! Не скажу, что ты у своих друзей, но все же веди себя скромно и не заставляй нас причинять тебе лишнюю боль.

Рябой верзила жадно улыбнулся, а старик, вернувшись к столу, уставился на целый ряд колб и реторт, наполненных разноцветными жидкостями.

– О, великие умы прошлых столетий! – с пафосом воскликнул алхимик. – Каждого из них подводила маленькая ошибка, но она стоила им смерти и бесславия! – Осторож-

но, то и дело задерживая дыхание, он переливал содержимое этих сосудов в колбу, что так заботливо готовил для действия. – Аполлинарий Лартейский забыл присовокупить сушеную печень летучей мыши! – Старик прищуривал глаза, а в большой колбе, соединяясь, шипели таинственные вещества. – Теофраст Априон из Галанта не добавил слез младенца. – Цепкие руки старика сухими клешнями брали одну за другой колбочки. – Араб Абрахам Караим ал Адеш забыл о крови девственницы! – Старик обернулся на слугу, следившего за священнодействием. – А я ничего не пропущу!

Вылив последнюю колбочку в большой сосуд, проследив, как укладывается пена, старик взял со стола ланцет и с двумя приборами подошел к столу, на котором, распятая, лежала девушка.

– Ничего не забуду! – глядя в ее глаза, повторил он. – Не будь я Гермурдом Крауном-младшим! – Испуганный взгляд девушки не отпускал кончика хирургического ланцета – так и летал за ним, куда бы не повело руку старика. Алхимик заметил это и улыбнулся. – Верно, это для тебя, наше маленькое зеленое яблочко! Начнем же?

Он бережно поставил на соседний стол большую колбу и склонился над запястьем девушки, где под нежной кожей синели венки. Сзади него, горой, придвинулся его слуга.

– Не дыши мне в затылок! – прошипел старик, и рябой верзила отступил. – Тупица!

Он цепко схватил девушку за кисть руки и коснулся

острием ланцета ее кожи. Девушка дернулась, но он цыкнул на нее:

– Я перережу тебе глотку, если ты будешь дергаться! И тогда будет много крови, – старик гневно сверкнул на нее глазами, – слишком много крови! – Его ноздри, набитые седыми волосами, вздувались. – Поэтому лежи спокойно. – Неожиданно он заботливо улыбнулся: – Эх, деревенщина, мне и нужно-то всего десять капель! Считать-то умеешь, бес-толочь?

Алхимик сделал легкий надрез, кожа вспухла, и тонкая струйка крови вырвалась из надреза. Точно открыв долгожданный источник, старик счастливо улыбнулся и потянулся к отставленной колбе. Подождав, пока первая кровь прольется обильно, он поднес стеклянное горлышко к алому, уже угасающему родничку.

– Даже не дышите! – глухо прошептал он. – Оба!

Первая капля ударила в мутный раствор большой колбы, пятая, восьмая...

Но едва десятая упала в еще пенную муть, как произошло чудо. Точно золотые искры стали пронизать содержимое колбы. Они вспыхивали, озаряя смесь, стремительно поглощая ее! Эти вспышки отражались в торжествующих глазах старого алхимика. И уже скоро раствор преобразился – он стал прозрачно-золотым, точно летнее солнышко спряталось в нем!

– О-о! – вновь приближаясь сзади, пролепетал слуга. –

Господи Боже!

– Да, я такой! – поднимая колбу вверх, усмехнулся алхимик. – Вот он, напиток вечного счастья!

Помедлив, старик цепко взглянул на слугу, благоговейно зревшего на волшебную колбу, и вновь отставил сосуд.

– Принеси-ка кувшин вина из буфета, – сказал он. – Да побыстрее – мы отметим нашу победу!

Верзила, протопав через лабораторию, поторопился извлечь из буфета требуемый кувшин.

– А кубки? – нахмурился старик. – Здесь только один – и тот наверняка запылится!

– Так они в столовой, хозяин.

– Ну так сходи в столовую! – уже готов был рассердиться старик. – Какой же ты все-таки тугодум!

Верзила, готовый выполнить любую прихоть гения, поспешил вон из лаборатории. Старик усмехнулся, оглянулся на девушку, по глазам которой катились слезы, и подмигнул ей. Затем поднес руку с перстнем к кувшину с вином, открыл печатку и высыпал в вино белый порошок. Тот вспенился и мгновенно погас. И тотчас на пороге появился слуга, держа в руках чеканные кубки.

– Давай же, давай! – поторопил его старик. – Наливай, не тяни!

Рябой верзила разлил по кубкам вино.

– До дна! – выпалил старик и поднес кубок к сухим губам, но глаза его пристально следили за слугой.

Тот разом опрокинул свой кубок, сладко облизнулся.

– Почему вы не пьете, хозяин?

– Да потому что вино отравлено, мой друг, – убедительно сказал алхимик, отставляя кубок.

– Как это – отравлено?!

– Да вот так, – усмехнулся старик. – Споры ядовитого гриба-оборотня в течение десяти секунд превращают тебя в деревянного болвана, который неспособен и рукой пошевелить, а потом ты медленно задыхаешься. Вот, видишь, видишь! – ткнул он в него пальцем. – Все – правда!

Верзила схватился за горло и пошатнулся, но старик опередил его грузное падение – ловко подставил сзади стул и сам подтолкнул слугу. Тот всей массой бухнулся на сиденье и, выпучив на хозяина глаза, так и застыл одним монументом.

Старик тем временем оказался у стола, где стояла колба и лежал ланцет, отер скальпель от крови и обмакнул кончик его в золотой раствор. Вернулся к хрипящему слуге и занес ланцет над его открытым ртом. Золотая капля набухла на кончике стали и, дрогнув, упала на уже вывалившийся язык верзилы.

Вот глаза его заморгали, дрогнула окостеневшая у шеи рука...

– Свершилось! – выдохнул старик. – Теперь я вижу – свершилось! – Он приблизил сморщенное лицо к рябой и туповатой физиономии оживающего слуги. – Капля возвращает

жизнь, кубок подарит жизнь вечную! Одна доза в пять столетий – и мир у твоих ног! – Алхимик счастливо оглянулся на связанную девушку. – Благо дело, девственницы никогда не переведутся!

– За что вы меня так напугали, хозяин? – вяло прохрипел слуга, готовый расплакаться. – Я так для вас старался...

– Да-да, старался, – отходя от него, рыская глазами по лаборатории, бросил алхимик. – Но тебе нужно будет постараться еще в одном – сыграть мою роль! – Он уже возвращался к слуге, держа в одной руке кувшин той же отравы, в другой – гигантскую воронку. Поставив кувшин, он схватил обомлевшего гиганта за нос и с силой откинул ему голову назад. А затем вставил в открытую пасть с плохими зубами воронку – вбил ее до упора. И только потом вылил половину содержимого кувшина в глотку доверчивого слуги.

– Я подарю тебе свое кольцо на память! – удерживая в руках могучее тело, охваченное агонией, проговорил старик. – По этому кольцу, мой друг, меня и опознают: косточки у всех одинаковые! – Вытащив изо рта мертвеца воронку, он отбросил ее в сторону, тяжело захлопнул гиганту челюсть, точно колот ею орехи. Снял с безымянного пальца перстень, где недавно хранился яд, и, облизав мизинец гиганта, тужась, натянул на него роковую печатку. – А после того, как в этом доме вспыхнет вся сера, нефть и масло, которые ты заготовил, и от косточек мало что останется. Горячая пыль! Так-то!

И только потом алхимик подошел к столу и взял большую колбу. Солнце лучилось в пузатом стекле, не иначе! Он пил осторожно и жадно одновременно – и скоро вытряхнул последние золотые капли на язык. Он уже чувствовал это превращение внутри себя, эти крылья, что росли за его спиной. Да, это было то, чего он ждал! Ждал всю жизнь! Но его сладкое оцепенение длилось недолго – пленница вновь заерзала, замычала через тряпку. Прихватив все тот же кувшин, старик подошел к девушке.

– Ты прости меня, деточка, но я не могу оставить тебе жизнь. – Он отрицательно покачал головой. – Никак не могу! Но я не дам тебе умереть страшной смертью – в огне! – Глядя на ее обнаженную грудь и живот, он заботливо вздохнул. – Как не дал надругаться этому чудовищу над тобой! Ты умрешь голубкой горней, и оглянуться не успеешь, как Господь примет тебя в рай, обнимет и приласкает. Он любит таких, как ты! – Старик погладил ее по голове, но девушка замотала ею, плача и мыча, вырываясь из последних сил. Старик наклонил кувшин и тихонько стал проливать вино на тряпку, стянувшую рот пленницы. – А я пойду своей дорогой, – приговаривал он, наблюдая, как намокает тряпка, набухает ядом. – Этой дороге, деточка, было начало, но конца не будет. Не будет уже никогда!

За полчаса часа до полуночи он вывел из ворот дома двух мулов. Один предназначался для него, через другого были переброшены мешки с поклажей – все его пожитки за шесть-

десять пять лет жизни! Любимой библиотеке, увы, придется сгореть, когда огонь свечи коснется масляной лужи, но чем-то всегда приходится жертвовать!

Главное, свою звезду он уже достал!

Закутавшись в плащ, озираясь по сторонам, алхимик прикрыл ворота и, забравшись в седло, тихонько поехал по темной улице. Главное, его не должны узнать! Но это время он выбрал неспроста – как раз между двумя стражами! Когда в полночь начнется очередной обход города, он уже будет далеко!

Проехав пару улочек, алхимик повернул на самую длинную улицу, что пересекала почти весь город, начинаясь от ратушной площади. И вот он уже ехал навстречу луне – она нависла над дальним краем городка, ярко очерчивая контуры последних домов. Неожиданно он разглядел фигуру – там, впереди. Стража?

Нет, не может быть...

Путник? Или хуже того – лихой человек? Рука его непроизвольно потянулась к заряженному мушкету. Он всегда умел постоять за себя! Для шпаги стал слабоват, но пустить свинцовую горошину в любого, кто встанет на пути, ему раз плюнуть!

Он приближался к темному силуэту и вдруг непроизвольно натянул поводья. Мул остановился. Там, впереди, его поджидал не человек.

Это был силуэт животного – огромного хищного зверя...

Часть первая

Гроза над Пальма-Амой

*Жизнь это сон.
Кальдерон де ла Барка*

Глава 1

Гостья

1

За высокими окнами просторной столовой уходящий день позолотил облака. Пожилой крепыш во фраке и пенсне, стоявший во главе стола, торжественно сказал:

– Согласно историческим хроникам, едва одержав победу, император Фридрих повелел основать здесь город во славу своего оружия. Но прежде, обозревая холмы, усеянные трупами врагов, он решил наградить того, кто спас ему в этой битве жизнь – своего фаворита барона Людвига Опенгейма. На холме, где чуть позже поднялась наша ратуша, Фридрих и вручил барону свой меч. Оба они еще не покинули седел. И вот, Людвиг дает клятву верности и уже собирается при-

ложиться губами к лезвию меча, как вдруг конь его встает на дыбы. Не ожидая злополучного рывка, Опенгейм роняет меч, и тот, падая, ранит его любимицу пантеру, которая всюду следовала за своим хозяином. От внезапной боли бедная кошка взвилась и, вырвав тонкую цепь из рук дюжего слуги, скрылась в близлежащем лесу. Долго искали ее, но пантера исчезла – как сквозь землю провалилась. Несмотря на плохой знак, город все-таки основали здесь. В том же году барон Опенгейм пал на поле брани, убитый мадьярами под Дравой, а после потери Фридрихом почти всего эрцгерцогства Австрийского о нашем городке все позабыли... И вот через некоторое время по городу поползли слухи о некоем черном, как смоль, животном, разгуливающим по ночным улицам. Вспомнили старики рассказы своих дедов, что юнцами ходили в походы со славным Фридрихом, о пантере его фаворита – Людвига Опенгейма; о той самой гигантской кошке, что сбежала раненой от своего хозяина и так и не была найдена ни живой, ни мертвой. Но не знали они, что легенде вскорости суждено будет воплотиться в жизнь...

Переводя дыхание, рассказчик протер платком запотевшее пенсне и вернул его на место.

– В начале семнадцатого столетия в наш городок приехал один пожилой лекарь. Его выписал тогдашний бургомистр Крюгендорфа. Лекаря звали Гермурд Краун-младший. О нем сохранились кое-какие сведения. И мать Клеопатры, и Борджиа могли бы гордиться таким учеником – ле-

карь составлял уникальнейшие яды! Но главной его профессией была вовсе не медицина и не мрачное увлечение смертоносными отравками – старик Гермурд был алхимиком! А искал он не золото – золото не унесешь в могилу! Он искал рецепт вечной жизни! Его побаивались, сторонились. Считали, что рано или поздно дьявол приберет чернокнижника к себе. Но Гермурд был обласкан городским головой и, поговаривали, работал с его подачи! И вот однажды город проснулся – пожар! Полыхал дом алхимика. И как полыхал! Ничто не смогло потушить огонь – дом горел, как заговоренный! Когда разгребли пепелище, то обнаружили обуглившиеся черепа двух человек, которые развалились в руках горожан. И оплавленный перстень Гермурда Крауна-младшего, в котором еще дымился уголь – костяшка от фаланги сгоревшего пальца! Все было бы ясно – хозяин и его слуга погибли в пожаре! – если бы в ту же ночь самого алхимика не нашли мертвым на окраине города – он лежал на мостовой с искаженным от страха лицом. Перстня на его пальце не было! Бургомистр, покровитель алхимика, сам взялся вести это дело. Взятся ревностно, и было почему – бургомистр тоже хотел жить вечно! И вскоре картина стала проясняться. Отыскивали двух мулов – один был оседлан, другой нагружен поклажей. Оба животных принадлежали алхимику. В одном из мешков оказалось несколько самых дорогих алхимику книг и пожитки. Несомненно, он хотел удрать из городка! Кто же были те люди, что сгорели в доме Гермурда? Одним был, верно, слу-

га алхимика. А второй? Нашли человека, которому тот слуга якобы сболтнул за чаркой вина рецепт, что краем уха услышал от хозяина. В рецепте фигурировали, помимо слез младенца, десять капель крови девственницы. Ниточка привела в отдаленную деревню, где пропала падчерица одной злой женщины. Утверждали, что она продала несчастную девушку. Злодейке не поздоровилось, но дело не в этом. Картина становилась ясной, и бургомистр негодовал: он-то понял, что старик Гермурд надул его! Но по какой причине он решил исчезнуть из города, жестоко инсценировав свою смерть? И что остановило его? Отчего он умер в ту ночь? Бургомистр мучился этими вопросами, пока не переговорил с пожилым священником, отошедшим от дел по причине слепоты. Слуга церкви, человек очень набожный, сказал, что не мог заснуть всю эту ночь – острая тревога обуревала его. Около полуночи священник поднялся и подошел к окну. И что же он увидел – незрячий? А увидел он огненного зверя, несущегося в темноте. Так хищник преследует добычу! Напротив окон дома священника страшно закричал человек, затем огненный зверь прыгнул, расставив лапы, точно готовый вцепиться в жертву, сомкнул их и канул во мрак. Священник, уже прослышавший о загадочной смерти алхимика, сказал, что несомненно видел дьявола – и тот на его глазах завладел душой Гермурда Крауна-младшего! Бургомистр долго раздумывал над его словами и пришел к выводу, что алхимик получил искомое снадобье, противоречившее всем законам земным

и небесным, и потому погиб. Более бургомистр не задумывался о том, как преодолеть законы природы, и смирился с участью смертного. Своим откровением он поделился с кем-то из родни, те – с друзьями. И уже скоро весь город полнился слухами. Многие и впрямь посчитали, что сам князь тьмы, приняв облик пантеры Людвиг Опенгейма, явился за своим слугой Гермурдом Крауном-младшим и забрал его в положенный срок в преисподнюю!

Рассказчик вновь снял запотевшее пенсне и, близоруко сощурившись, одарил всех сидящих за обеденным столом многозначительной улыбкой...

Дело происходило в 1925 году, в особняке бургомистра города Крюгендорфа, на улице Черных сорок, в большой просторной столовой, уже готовой впустить в свои высокие арочные окна вечер.

Рассказ бургомистра был посвящен гостю захолустного городка – доктору китайской медицины Валериусу Киту. Узнав от всеведущего камердинера, что обладатель столь уникальной профессии поселился в гостинице, бургомистр настоял, чтобы г-н Кит переехал к нему в дом. Что тот и проделал всего четыре часа назад, попав с корабля напрямиком на бал.

Лет сорока или чуть больше того, атлетического телосложения, с шевелюрой и бородой, в которых сверкали тугие нити серебра, доктор привлекал внимание всех, особенно дам.

– Знаете, уважаемый герр Витгофф, – веско начал гость, пригладив сильной рукой холенную чашу своей бороды, – мне немало приходилось слушать удивительных историй, но ваша легенда займет среди них первое место. Будь я писателем, с чистой совестью положил бы ее в основу романа!

– Вы правы! – сверкнув пенсне, польщенно просиял бургомистр. – И не просто романа – романа исторического. Но – увы! Эта чертова война разрушила все мои планы. А сейчас, как ни жаль, не до того. Слишком много разных забот. И хотя на улицах Крюгендорфа пушки не грохотали и пули людей не косили, контрибуция нас вывернула наизнанку!

Закатное солнце обожгло край портьеры и кинуло неожиданный красноватый луч на старый столовый фарфор. В малиновых бликах, бегающих по перламутру тарелок и вазочек, темному стеклу бутылок и серебристому хрусталу, ожила посуда. Вместе с нею ожило лицо на мгновение ушедшего в свои думы бургомистра.

– Кстати, – подняв голову, он посмотрел в окно, – Альфреду с его избранницей давно пора сидеть за нашим столом. Мы все ждем его загадочную даму, не так ли? – Бургомистр обвел взглядом сотрапезников, и те своим оживлением и перешептыванием подтвердили его слова. – И ждем с превеликим нетерпением!

Тем временем голубой дымок уже окутывал столовую четы фон Витгофф, ее гостей и хозяев. Наступал вечер. Улучив момент, пока новая тема не дала повода для разговора,

обаятельная хозяйка поднялась со своего места:

– Господа, прошу в гостиную. Там вас ждут кофе, коньяк, сигары и свечи, которые уже зажигает Марта. Вам же, мэтр, я, как и обещала, покажу нашу библиотеку, а потом мы присоединимся к остальным.

Библиотека располагалась на том же этаже – в противоположном крыле здания. Но уже в дверях фрау Витгофф вспомнила о распоряжениях для горничной, извинилась перед г-ном Китом и пообещала подойти чуть позже.

Он был рад, что его оставили одного. Доктор прошел вдоль стеллажей. Усаживаясь в кресло у окна, перебросив ногу на ногу, он устало закрыл глаза. Сеть невеселых воспоминаний окутала его и увлекла в свои дебри – такие далекие, откуда совсем не было видно толстых корешков бургомистерской библиотеки...

Тогда, в Галикарнассе, на подмостках театра-варьете «Олимп», оно и впрямь испугало его, это чудовище! Он знал, он обо всем знал раньше, но не хотел верить ни в то, что говорил им Огастион Баратран, ни в то, в чем с годами убеждался сам. Воистину дьявольская личина!.. Но в тот злополучный вечер, когда жизнь висела на волоске, некогда было думать об этом. Теперь же, вот уже четыре месяца неотступно всплывая в памяти, этот лик преследовал его...

От невеселых раздумий г-на Кита оторвали порывистые всхлипы клаксона – возбужденный плач пищалки быстро приближался. Он встал с кресла и выглянул в окно. Внизу

доктор увидел шикарный послевоенный автомобиль, черный и блестящий, – тот катил вдоль левого крыла особняка, под самыми окнами библиотеки. Автомобиль был открытым, его крылья и капот сверкали, как шелк тугого цилиндра.

Поскольку в доме бургомистра ждали еще двух гостей – друга семьи Адольфа Грубера, как говорили о нем: «хозяина черного лимузина, известного берлинского богача», и его «таинственную спутницу», доктор сразу понял, кто эти запоздавшие. Грядущее знакомство с новой дамой, – для здешних провинциалов так внезапно пленившей их столичного идола Грубера, – разожгло любопытство общества из глубинки сверх меры! И как-то странно коснулось боком и его, Валериуса Кита...

Проследив за машиной, остановившейся у парадного, доктор перенес внимание на спины приезжих, а вернее, только на одну, сразу ему приглянувшуюся – изящную и грациозную... На заднем сиденье, рядом с вальяжно восседавшим медведем в дорогом костюме, сейчас ожидающим, пока шофер распахнет перед ним дверцу автомобиля, сидела молодая женщина в темном дорожном наряде. Доктор не видел ее лица, но уже догадывался, что оно прекрасно. Стоило лишь взглянуть на ее благородные плечи, грациозную посадку головы и изящную шею, которую открывали убранные под шляпку темные, отливавшие медью волосы.

Когда гостья поднялась с широкого кожаного сиденья и, опираясь на широченную лапу спутника, вышла из машины,

доктор не смог сдержать улыбки – он эгоистично любил красоту!

Из особняка выбрались хозяева, и началось представление гости супругам фон Витгофф, и наоборот...

«Будет очень любопытно познакомиться с нею, – пока шла церемония, нетерпеливо теребил бороду доктор, – вот только лицо?..»

Тем временем ритуал закончился и бургомистр гордо указал на мраморный фриз, изображавший легендарную битву Фридриха. Незнакомка отступила на два шага и, придерживая шляпу, запрокинув голову, обернулась в сторону библиотеки...

2

Когда, выпустив очередь истошных сигналов, к парадному подъехал автомобиль Грубера, фрау Витгофф отдавала распоряжения Марте.

Оставив позади вестибюль, от высоких потолков и облицованных мрамором стен которого веяло холодом, она оказалась на площадке парадного. Теплое вечернее солнце заставило ее зажмуриться, но лишь на мгновение. И первым, что увидела фрау Витгофф, была эта женщина...

Сентябрьское солнце мерно скатывалось к западу, где в дымке начали уже розоветь облака. Через темные ветви и пожелтевшие листья парка, окружавшего дом, оно бросало

золотистые с кровотоочинкой лучи на лицо незнакомки. Вуалетка ее шляпы была отброшена на тулью, и, подходя к гостям и мужу, фрау Витгофф мельком успела заметить удивительные глаза своей гостьи.

Грубер крепко поцеловал руку фрау Витгофф, она чмокнула старого приятеля в щеку.

– Здравствуй, моя дорогая! – низким баритоном пропел он. – Хозяйка дома – баронесса Клара фон Витгофф... Эвелин Блонк, – представил он гостью.

Ощутив слишком крепкое для такой тонкой и изящной кисти рукопожатие, фрау Витгофф не без волнения посмотрела в глаза этой женщины. Несмотря на беспощадно надвигающийся вечер, они были прозрачно-синие и неуловимо бездонные, как утреннее небо над июльским морем.

– Я вам завидую, баронесса, у вас прекрасный дом, – доброжелательно и с достоинством сказала гостья. – Наверное, ему не менее двухсот лет. А этому фризу мог бы позавидовать любой из сохранившихся в Европе дворцов!

Голос г-жи Блонк был чист и музыкален. Но, несмотря на все изящество и изысканность, в ней чувствовалась сила, упругая гибкость и ловкость акробатки.

После краткого обмена любезностями г-жа Витгофф, предоставив мужу управляться с гостями самому, возвратилась в дом и поспешила в библиотеку.

Но, едва открыв двери, вскрикнула и отпрянула назад. Перед ней возникла белая маска – лицо г-на Кита. Точно испу-

гавшись чего-то, он и сам отступил в сумрак библиотеки.

– О, мэтр?! – только и смогла пролепетать фрау Витгофф. Мертвенно бледный, г-н Кит уставился на кончик носа хозяйки дома.

– Мне нездоровиться, сударыня, – сказал он. – Прошу вас, проводите меня в мою комнату.

Хозяйка слабо улыбнулась:

– Может быть, доктора? У нас есть...

Фрау Витгофф не договорила: глаза мэтра обожгли ее льдом.

– Не стоит, – ответил он, огромный и непроницаемый, как колонна, выдвинув вперед великолепную грудь в белоснежной манишке и лопату седеющей бороды.

Не проронив ни слова, лишь растерянно посмотрев на него, супруга бургомистра заскользила по коридору. Г-н Кит не отставал от нее ни на шаг.

Комната для г-на Кита оказалась в том же крыле, что и библиотека, только на третьем этаже. Показать ее гостю раньше не удалось – лучшие апартаменты Марта только готовила.

– Вы, кажется, пришли с каким-то сообщением, фрау Витгофф? – спросил он, когда они поднимались по лестнице.

– Разве? – ответила она вопросом на вопрос и тут же вспомнила, что именно за этим и пришла. – Ах, да, конечно, приехал наш друг, Альфред Грубер, и... некая дама, Эвелин Блонк, – фрау Витгофф сдержанно улыбнулась, – обворожи-

тельная женщина!..

Но лестница закончилась, они вышли на третий этаж.

– Мы пришли, – перед второй дверью справа проговорила фрау Витгофф. – Это лучшая комната, мэтр. Я думаю, она вам понравится. Если позволите, Марта принесет вам порошки от головной боли.

– Благодарю вас, сударыня, я не пользуюсь лекарствами, – ответил он. – И, прошу вас, сделайте так, чтобы меня никто не беспокоил. – Г-н Кит пытливо посмотрел на хозяйку дома. – Никто.

Затем он круто повернулся – и тут же дверь за его спиной захлопнулась. И как последнее слово, чья истинность не подлежит сомнению, глухо и четко стукнула щеколда засова. Озадаченной фрау Витгофф оставалось только недоуменно пожать плечами и удалиться прочь.

3

Ощущая лопатками дверь, г-н Кит разжал веки и огляделся. Он стоял в просторной и уютной комнате. Растопленный камин дышал теплом...

Когда женщина, приехавшая с Грубером, неожиданно повернулась с запрокинутой головой в сторону библиотеки, он почувствовал, что сходит с ума.

Не опуская головы, женщина прошла вдоль клумбы и остановилась напротив окна библиотеки, за которым, тре-

пещи, стоял он. Через несколько секунд взгляд ее случайно скользнул по окнам второго этажа и на мгновение, так же совершенно случайно, коснулся его глаз. Сотая доля секунды, но словно электрический разряд пронзил обоих.

Дыхание его перехватило, он отпрянул от окна...

Он не мог и боялся пошевелиться. А затем сорвался к выходу, но двери распахнулись перед самым его носом, и на пороге выросла фрау Витгофф. Он отшатнулся: на какой-то миг ему показалось, что в дверях библиотеки стоит другая женщина...

Придерживаясь за подлокотники, доктор сел в высокое, обтянутое кожей кресло у самого камина. Прошло минут десять, когда плечи его дрогнули и он сдавленно прошептал:

– Этого не может быть! Ведь она... она умерла.

А потом закрыл лицо ладонями, и когда отнял их, в глазах его трепетали горечь и страх – больше ничего. Запоздавшим гостям уже, верно, сообщили о предстоящем лечебном сеансе. А что, если выйти сейчас – первому сделать шаг?

Он затряс головой: нет! Это было выше его сил...

В камине треснула головешка. И тут г-н Кит запустил пальцы в густую седеющую шевелюру и хрипло застонал.

«Вот и все, вот и все», – твердил он, как заклинание. В этом маленьком захудалом городишке, в доме бургомистра, на улице Черных сорок, в душевной комнатке захлопнулась его мышеловка.

Тихо потрескивая, в камине вспыхивали и гасли угли. Обхватив голову руками, он сидел сторбленный, вросший в кресло, озаряемый горячим, мерцающим пламенем.

Несколько раз он слышал, как мимо его двери проходили. Шаги возникали, со стуком надвигались и растворялись в пространстве длинного коридора.

Прошло не менее часа, прежде чем за дверь в коридоре вновь послышались шаги – легкий стук каблуков по паркету. Они приближались и вскоре замерли у его порога.

Вздрогнув от стука, чуть помедлив, он встал с кресла и на цыпочках подкрался к двери.

– Кто? – он вздрогнул, не узнав своего голоса – чужого и хриплого.

Но к чему этот нелепый вопрос?..

За дверь было тихо. Так тихо, что казалось, за ней нет никого. Глухая тишина, сводившая с ума, заполнила и комнату. Только тихо потрескивали угли в камине и тяжело и громко билось его собственное сердце.

«А если все это галлюцинации? – думал он. – Если не было ни стука, ни черного, как преисподняя, автомобиля, ни злополучного города?»

И не было всей его предыдущей жизни?

Но стук повторился, и вместе с ним оборвалось сердце доктора. Тщетно желая справиться с дрожью в руках, он отодвигал щеколду засова...

– Здравствуй, Давид, – голос ее был ровный, но незнакомый ему инструмент влился в гармонию таких привычных звуков, делая их далекими и чужими.

Он набрался мужества и взглянул ей в глаза.

– Здравствуй, – чуть помедлив, сказал он и отступил.

Волосы его гостьи в слабом освещении коридора отливали медью. Она успела переодеться – дорожный костюм сменило темно-зеленое открытое вечернее платье с бриллиантом в складках у правого плеча. Гостья вошла и, едва осмотревшись, села в кресло у камина, то самое, что двумя минутами раньше занимал он.

– Закрой дверь на щеколду, – тихо сказала она.

Тот, кто был одновременно доктором китайской медицины, г-ном Китом, мэтром, а теперь еще и Давидом, незамедлительно выполнил просьбу.

Солнце уходило за запад, и одна половина лица его гостьи, сидящей в кресле, сейчас – рыжеволосой, еще освещалась тусклым, голубовато-розовым вечерним сиянием, другую заливали красные и желтые отсветы каминного огня. Было в этом сочетании что-то карнавальное и таинственное.

Перед ним сидела Лея! Живая Лея во плоти и крови!

– Как видишь, Давид, я жива, – словно читая его мысли, печально усмехнулась она. – Ты рад?

Доктор промолчал.

«Ее руки, – думал он, – красивые, тонкие, сильные. Ее руки...» Значит, Лея жива? Но тогда, может быть, мертв он? Эта странная мысль смутила его.

Она отбросила со лба полыхавшие в отблесках огня рыжие волосы, и тут же сноп яркого света ослепил его. Что это?.. Ах, алмаз! Он вынырнул из темных складок ткани, как из-за ночного занавеса, и зажегся ослепительно холодной звездой у ее плеча – круглого и золотистого. Лея! Как странно, как невероятно было все это...

Лицо его гостыи, повернутое в профиль, не выражало ничего, кроме усталости и сожаления.

– Кстати, – обернулась она, – борода тебя ничуть не изменила. Главное – это глаза. Они никогда не меняются. Они всегда остаются такими, какими тебе их подарила мать. Разная музыка сопутствует им, но главная тема всегда ведет свою основную партию – на протяжении всей жизни!

Разглядев едва заметный розовый шрам, прилипший к ее виску, он старался больше не смотреть туда: слишком много воспоминаний!

– Объявления в газетах были чистой выдумкой, – сказала она, глядя в огонь. – Ты конечно же их читал. Нас обоих «похоронили», а куда им было деваться? Виновники гибели сотни человек, в том числе барона Розельдорфа и примадонны Аделины Велларон, провалились как сквозь землю перед самым носом преследователей. Поэтому нас с радостью при-

числили к жертвам пожара.

– Но как же ты... – он осекся.

Она презрительно взглянула на него.

– Не тебе об этом спрашивать, Давид. Первые дни я буживала мщением, но потом... смирилась. Какой смысл укорять человека за то, что он черен сердцем? За то, что он был таковым всегда!

Он вспыхнул, недобро посмотрев на нее. Рассеянно усмехнувшись, смолчал и потупился.

Встав, она подошла к окну. Солнце уходило за горизонт, касаясь темных крыш города Крюгендорфа.

Подойти к ней он боялся. Да и не хотел. Усевшись обратно в кресло, доктор принялся разгребать каминными щипцами угли. Искры взлетали, таяли, на смену им вырывались новые. От перепадов света в камине лицо его освещалось неровно, порывами.

Лишь пару раз он обернулся на нее.

Не двигаясь, она глядела в окно. Он понимал, что мысли этой женщины, равно как и его, бродят сейчас где-то в прошлом – в горечи и радости безвозвратно канувшего времени. Слепая тоска вдруг сдавила его горло и, как спрут тащит жертву в черную пучину океана, увлекла через космос воспоминаний – на двадцать лет назад, в другую осень. В неясном тумане прошедшего он отчетливо слышал далекий пароходный гудок...

Глава 2

Мастер огненной магии

1

Тяжелый гудок парохода «Святая Катарина», подплывающего к причалу, врзался в серое утреннее небо, заглушил на время всех портовых чаек Пальма-Амы и откатился приглушенным эхом за много миль к югу. А минут через пять разноликая толпа, обитательница кают всех классов, хлынула на умытую ночным дождем мостовую города.

...Евгении не было. Она осталась в Гроссбаде – в труппе «Карусели», которую он, честолюбец и гордец, так легко оставил месяц назад. Поток людей, недавних пассажиров, уже прокатился мимо Давида, а он все еще смотрел на пароход – серый безмолвный айсберг.

Чуда не произошло.

Давид надвинул шляпу на глаза. Сунув руки в карманы плаща, так и не просохшего после ночных скитаний по городу, ощутил в пальцах безнадежно сырую пачку папирос.

Что теперь остается ему? Начинать все сначала?

Он поймал чудом не занятую пролетку, и на вопрос возницы: «Куда угодно?» – неопределенно пожал плечами. К черту на рога!..

Но, поживаясь в намокшем дождевике, под монотонный цокот копыт поглядывая на сырой кирпич зданий, выцветшие серые окна и спину возницы, Давид вдруг трезво взглянул на положение вещей. Кататься по свету – у него нет денег. Галикарнасс? Но там отец. Появиться в отчем доме сейчас значило бы унижить себя насмешками и глупыми упреками. А возвратиться в гостиницу, туда, где он ждал Евгению, ждал целый месяц, – об этом не могло быть и речи. Теперь не только меблированная комната с окнами на океан, где он выкуривал по две пачки папирос в сутки, теперь весь этот город был для него чужим.

Хотелось промочить горло; сидя в теплом углу, утонуть в табачном дыму собственной папиросы.

Скоро Давид вошел в первую из попавшихся ему по дороге питейных – полуподвальную харчевенку, каких в этом городе было немало. Он расположился у окна, недалеко от большого, дышащего на ладан камина. Глядя на ботинки редких прохожих, колеса пролеток и проплывающих омнибусов с целыми шлейфами грязных брызг, Давид заказал у кабатчика-молчуна яичницу с ветчиной, зелень, бутылку вина и папиросы.

Он не помнил, сколько прошло времени, когда, повинувшись неясному импульсу, поднял голову и в очередной раз посмотрел в окно.

Через дорогу от харчевни по тротуару шел человек. Во-

ротник его темного плаща был поднят, широкополая шляпа надвинута на глаза так, что Давид разглядел лишь торчащую клином смоляную бородку. Над головой пешехода был раскрыт огромный тугой черный зонт. Явно торопясь, человек быстро сошел с тротуара, не заметив стремительно летевшую на него громоздкую карету. У Давида перехватило дыхание. Одна из четырех лошадей повела мордой, натянула упряжь. В эту самую минуту зонт открыл человеку то, что уже хрипело, дышало, с грохотом разрасталось у него за плечами...

Человек метнулся в сторону, возница натянул поводья, но было поздно. Зонт, как гуттаперчевый мяч, ударившись о конскую грудь, отскочил в сторону. Человек смешно выбросил руки вверх, вскинул, теряя шляпу, черный клин бороды. Через несколько мгновений не только копыта, но и передние колеса подмяли незадачливого прохожего под себя, сломали и оставили лежать скрюченным, неподвижным под деревянным днищем вросшего в мостовую омнибуса.

Давид торопливо встал и, набросив просохший плащ, поспешил на улицу. Там уже собиралась толпа. Давид протиснулся вперед и заглянул в осыпанное каплями дождя лицо покойного. Оно было вытянутым, невероятно смуглым, почти землисто-темным. Большие черные глаза его, под густыми бровями, словно вымазанными сажей, хранили отпечаток ужаса. Рот ощерился, открыв крупные желтоватые зубы...

Распорядителем вызвался быть важный господин в сером пальто под серым зонтом.

– Отнесите тело на тротуар, милейший, – приказал он портовому грузчику.

Гигант охотно взял труп за плечи и легко поволок по мостовой. Темный плащ на груди бедняги вздулся комом и вытолкнул из нагрудного кармана чужеземца два предмета – газету и револьвер.

У места происшествия остановилась случайно проезжавшая мимо полицейская коляска. При виде револьвера офицер нахмурился, обшарил покойного и к всеобщему удивлению обнаружил в правом его сапоге длинный кинжал в узких ножнах.

– Да это ассасин какой-то! – с усмешкой заметил человек в сером пальто под серым зонтом. – Пожалуй, я поеду с вами, – сказал он полицейскому. – Все случилось на моих глазах – я дам показания.

Через десять минут тротуар опустел. У ног Давида лежала газета, которую медленно разглаживал на булыжной мостовой мелкий морозящий дождь. По странной случайности о ней забыли. Давид поддел концом башмака несколько страниц, раскрыв газету на середине. Там она оказалась еще довольно суха. Один из абзацев сильно отличался от общего печатного фона. Нагнувшись, Давид вырвал полстраницы с объявлением и, сжав мокрый клочок газеты в кулаке, вернулся в харчевню. За своим столом, расправив обрывок, он прочитал то, что было обведено красным карандашом в графе объявлений под номером «6»:

«ОГАСТИОН БАРАТРАН, доктор огненной магии и мастер воплощения в пространстве, приглашает в свою студию трех учеников. Дни экзаменов: с 1 по 21 сентября. Время: с 10.00 до 20.00. В конкурсе могут принимать участие все желающие мужчины в возрасте от восемнадцати до тридцати лет.

Адрес: бульвар Семи экипажей, дом 67».

На календаре было двадцать первое сентября. Давид усмехнулся: может быть, этот чудак Огастион Баратран удивит его? У кабатчика он справился, где ему искать нужный дом, вышел на улицу и тотчас поймал пролетку.

...Длинная и узкая, как рыба-стрела, Пальма-Ама вытянулась вдоль побережья океана, далеко не уходя в глубь материка, утопая в кипарисах и желтеющих в это время года каштанах. Город источал запах соли и рыбы даже сейчас – после прошедшего дождя.

Проезжая через театральную площадь, разглядывая белый фасад и тронутые временем колонны здания оперы, Давид вспомнил Галикарнасс. Мальчишкой в синем костюмчике с кружевным жабо он впервые попал в оперу. Это случилось давно, когда была еще жива его мать. Но он и теперь помнил, как огромный мавр с низким и протяжным голосом брал в свои руки плечи мертвой возлюбленной, прижимал ее к груди, плакал и звал по имени... Мать любила музыку больше, чем его отца. Она умерла, когда ему, Давиду, не ис-

полнилось и четырнадцать лет. Подхватив простуду, угасла за несколько дней, не успев даже подурнеть. К семнадцати годам Давид твердо решил, что не рожден бакалейщиком. В одной из ссор он сказал об этом отцу с юношеской прямоотой и едва ли не презрением, вдруг, непонятно как, выплеснув всю злобу на человека, единственная провинность которого заключалась в том, что он не был способен понять сына. Давид удрал из Галикарнасса с одной из театральных трупп, гастролировавшей тогда в столице. Магазины отца наследовать было некому. Все шесть лет бродячей жизни, даже в те дни, когда отчаяние и горечь неотступно преследовали его, он боялся вернуться домой, боялся показаться слабым, жалким, беспомощным. Ему не хватало духу написать даже письмо, и чем дальше, тем сильнее. Стоило только представить отца, грузного сурового человека, открывающего конверт, где на клочке бумаги теснятся его, Давида, строки. Он боялся, что они окажутся беззащитными, выдадут его с головой.

А иначе зачем было писать?

Судьба улыбнулась ему: на второй год он покинул массовку, а после роли Лаэрта к нему пришел настоящий успех. Но улыбка, так приветливо встретившая его вначале, оказалась насмешкой. Едва взлетев, он понял, что навсегда останется чужим театру. И на то была веская причина. А когда он окончательно смирился с мыслью, что берег его еще не найден – да и будет ли найден когда-нибудь? – в труппе «Ка-

русели», его последнего театра, появилась она. Ее коротко подстриженные золотые волосы, блестящие карие глаза стали для него символом спасения. Евгения была старшего его. Тонкая, умная, веселая, – с первого дня она заслонила все, чем раньше он дорожил.

Но сила притяжения – обманчивая сила. И превратиться в центробежную – ей раз плюнуть.

Давид знал, что Евгения желает его любви, но догадывался, что еще больше боится ее... Он помнил зеркала третьесортных гостиниц. Голубая дымка рассвета становилась прозрачнее, контуры еще спящих предметов яснее. Он курил, сидя в постели, рассматривая в отражении ее по-мальчишески подвижные плечи, острую грудь, высоко поднятые локти и гребень, мягко вонзавшийся в короткие золотые волосы. Он помнил бледное лицо любимой женщины...

«Так не может продолжаться всегда, Давид, – в одно такое утро сказала она. – Я не щепка и не желаю сгореть в твоём пламени. Я сама хочу быть звездой. Не для одного тебя – для многих. И времени для этого у меня все меньше...»

Давид чувствовал, что она не договаривает. Может быть, боится обидеть его? Она молчком пудрилась, чтобы не так сильно были видны тени под глазами – следы их долгой ночи. Подводила брови. Трогала помадой губы... В то утро ее руки неожиданно опустились на колени. В гостиничном зеркале он встретил ее взгляд.

«Но самое страшное – ты бываешь разным, – она с горе-

чью улыбнулась. – И сам не замечаешь, как иногда превращаешься в призрака. Кажется, пройди сквозь тебя, и ты этого не заметишь. И вот этих минут я боюсь, Давид, – боюсь больше всего на свете».

Затем случился грандиозный скандал в труппе. Давид был одним из его зачинщиков. Честолюбец и гордец, он собрал чемоданы и, не оставив замены на двух главных ролях, укатил из Гроссбада в Ларру, а оттуда – в Пальма-Аму. Здесь он ждал Евгению почти месяц, надеясь, что она останется с ним. Но с каждым днем понимал все яснее, что ждет напрасно...

2

Нужный дом по бульвару Семи экипажей оказался на другом конце города. Пожилая горничная в переднике пытливо оглядела Давида и проводила его в гостиную.

– Ждите здесь, – попросила она и ушла.

Справедливо решив, что о случае, приведшем его в этот дом, стоит умолчать, Давид огляделся.

Этот Огастион Баратран был состоятельным малым! Дорогая мебель, величественный рояль, фарфор, рыцарские клинки и пейзажи в золоченых рамах, на комодке – старинные часы, огромные и важные. Они были истинными хозяевами гостиной!

Давид простоял недолго, когда дверь, обратная той, что впустила его сюда, чуть подалась внутрь, и в небольшой про-

ем вошел... черный ворон. Ступая по паркету, он походил на старого профессора, а может быть, и почище – настоящего мага, заложившего руки-крылья за спину. С его появлением в гостиной стало пасмурно и холодно. Ворон был бесприсветно черен и совсем определенно – стар. Черные бусины-глаза пристально глядели на гостя.

– Это не Огастион Баратран, – раздался за спиной молодого человека голос.

Давид обернулся – в дверях стоял могучий старик с короткой стрижкой седых волос. В черном трико и свободной белой рубашке с широкими рукавами, отложным воротником и кружевными манжетами, он походил на укротителя львов в цирке.

Пройдя в гостиную, Огастион Баратран подхватил ворона и посадил его себе на плечо. Указав гостю на кресло, легко опустился в другое – напротив.

– Итак, господин Гедеон?

Что бы сделал любой другой на месте Давида? Заикаясь, наговорил бы совсем не того, о чем думал? Давид был актером – и он играл. Но играл самого себя. Он говорил, что всю жизнь им движет стремление к поиску. Ему нужна только его звезда. Он знает, что она существует, но где и какая она – ему пока не известно. А на чужую, пусть прекрасную, он не согласен.

Давид с радостью отметил, что его монолог не оставил Огастиона Баратрана равнодушным. Они проговорили еще

около получаса. Понимая, что хозяин этого дома не купит лжи, Давид отвечал даже на те вопросы, на которые не стал бы отвечать никому другому.

Их диалог подытожил сладкозвучный бой гостиных часов. Старик поднялся с кресла и легонько подбросил ворона – черной тенью тот метнулся по комнате и взгромоздился на часы, на золотой их купол.

– Корррабли тонут на моррре! – приплясывая, хрипло прокричал ворон заученную фразу.

Гость улыбнулся этакому выпад. Старик тем временем подошел к окну.

– Я узнал вас, Давид, – проговорил он. – Вы были Лаэртом в «Гамлете», верно? Год назад. В том маленьком театре на улице Старого Сапожника. Я не мог ошибиться...

– Вы не ошиблись, – ответил изумленный гость.

– Мне понравилась ваша игра, – продолжал хозяин дома. – Неужели эта страсть к поиску так велика? Я уверен, была и другая причина. Какова же она? Говорите как на духу.

Давид усмехнулся:

– Я – одиночка, господин Баратран. Чтобы прийти к этому выводу, мне понадобилось двадцать два года. С карьерой актера все кончено, а с сегодняшнего утра и со всем, чем я хоть немного дорожил. Поэтому я у вас.

– А вы уверены, что именно здесь обретете то, что ищете?

Давид пожал плечами:

– Откуда мне знать? Но я догадываюсь, что чародейством

занимаются в одиночку.

Старик улыбнулся.

– Недавно я выбрал двух молодых людей – художника-молчуна Вилия Лежа и бывшего циркача Карла Пуливера. Вы появились как раз кстати – мне нужен был третий. Я жду вас завтра в два часа дня. Но не торопитесь радоваться, Давид. Обучение моему, как вы сказали, чародейству займет не менее десяти лет.

3

Шагая по бульвару Семи экипажей, Давид убедился, что настоящая непогода еще на пути в Пальма-Аму. С севера к городу двигалась целая армада темных туч. Они шли медленно, уже забрав в свою тень низкие горы, теснившиеся изумрудной грядой у атлантического побережья.

Давид нашел экипаж и поехал кататься по городу. Пальма-Ама на короткое время расцвела солнцами – в окнах домов, в лужах на мостовых, в сверкавших алмазных каплях на листьях желтеющих каштанов.

Давид размышлял о недавнем визите. Десять лет – похоже на шутку!

Когда он проезжал мимо набережной, то увидел намокший экипаж, двух понурых лошадей и дремавшего возницу на козлах. За экипажем, шагах в двадцати, набережная обрывалась и начинались ступени. Они вели вниз, к пляжу, лос-

кут которого, серый из-за мокрого песка, был виден с дороги. Этот песок вспарывал высокий пирс, стрелой уходящий в океан... В самом конце каменной стрелы, рассекавшей прибрежные воды, зоркие глаза молодого человека разглядели крохотную фигурку, одетую в черное. Тучи медленно сходились, небо темнело, океан мертвел в приближении грозы. А там, на узкой каменной дорожке, отвернувшись от города, стояла, глядя в бесконечную морскую даль, женщина...

Отъехав уже шагов на сто от понурого экипажа, Давид внезапно остановил извозчика и, наказав ждать его, спрыгнул с пролетки. Фигура женщины на фоне океана со странной силой притягивала его.

Давид быстро спустился по гранитным маршам многоступенчатой, разорванной несколькими площадками лестницы. Когда она осталась позади, а ботинки его утонули в сером, покрытом сырой коркой песке, Давид почувствовал, как часто бьется его сердце.

«Зачем я это делаю?» – думал он, быстро шагая в сторону пирса.

Фигурка женщины становилась все ближе. Давид уже различал ее стройный стан и темное пятнышко на голове, что спустя еще шагов пятьдесят превратилось в берет.

«Может быть, она в трауре, и я помешаю ей?» – ступая на пирс, думал Давид, но уже не в силах был остановиться.

С двух сторон к каменной дороге подкатывали волны. Пирс казался бесконечным – то ли от того, что он действи-

тельно был таким, то ли потому, что Давид с каждым шагом замедлял ход.

Фигура женщины выростала медленно...

На плечах ее лежал широкий черный мех. Платье черного шелка плотно облегалo фигуру. Темные волосы, поднятые на затылке и спрятанные под бархатный берет, сдвинутый на левый бок, открывали часть смуглой шеи... Казалось, женщина слушает, как волны разбиваются о каменные стены пирса. В руках она держала длинный черный зонт.

Никогда он не испытывал страха перед новым знакомством, и однако...

– Скоро погода снова испортится, – чувствуя непривычную робость, сказал Давид, подходя ближе. – И здесь будет небезопасно, сударыня.

Она обернулась, и в то же мгновение что-то укололо его в самое сердце – больно и сладко. Словно вспыхнуло необычайно важное и давно забытое чувство... На него смотрела совсем юная женщина. Она оказалась не просто смугла, как он предполагал вначале. Лицо ее не было лицом чистокровной европейки. Миндалевидные, опущенные густыми ресницами темно-карие глаза, большие блестящие белки, резко очерченные полные губы выдавали в ней присутствие мавританской крови. Давид никогда не видел ее раньше, не был знаком с ней, но что-то в чертах, взгляде, во всем ее облике казалось ему знакомым.

Девушка улыbnулась заговорившему с ней молодому муж-

чине – рассеянно, словно не расслышав его слов, и ничего не ответила. В руках она держала зонт, прижимая его к бедрам чуть ниже живота. Кисти были стянуты черным шелком перчаток, пальцы поверх него украшали перстни. На левом запястье, спрятавшись между перчаткой и рукавом, выглядывал золотой браслет в форме несколько раз обернувшейся кольцами змеи.

Все еще чувствуя себя неловко, Давид представился.

– Может быть, я помешал вам? – следом проговорил он, рассматривая темный наряд молодой женщины. – Вы... в трауре?

– Да, – ответила она. – Недавно у меня умер муж.

– Муж? – непроизвольно вырвалось у него. – О, простите... Вы еще так юны...

– А сколько, по-вашему, мне лет? – неожиданно спросила она. – Не стесняйтесь, говорите.

– Восемнадцать, не более того.

– Пусть так оно и будет, – ответила незнакомка.

Ее мягкий голос звучал доверительно, взгляд был открытым.

– Простите, что побеспокоил вас, – еще раз извинился Давид. – Простите...

Ему стоило немедленно уйти – он выбрал неподходящее время для знакомства! Но шли секунды, а он не уходил. И его не прогоняли. Глаза молодой женщины, смотревшей на Давида, не отпускали. Они загадочно и лукаво смеялись да-

же тогда, когда она казалась серьезной.

– Я люблю эту каменную дорогу, – сказала незнакомка и, уже глядя на океан, добавила: – Я прихожу сюда всякий раз, когда мне бывает одиноко... Как сейчас.

Страсти уже бушевали в сердце Давида. Нет, уйти теперь было бы преступлением!

– Как вас зовут? – спросил он.

– Лейла, – с улыбкой обернулась она.

– Лейла... Красивое имя: под стать вам.

– Вы не ошиблись: это имя и впрямь под стать мне, проговорила юная женщина. – На одном из восточных языков оно означает «ночь». – Она опустила глаза и вновь улыбнулась, и в этой улыбке прозвучали волнение и грусть. – А что может быть прекраснее ночи?

Черный мех укрывал ее плечи, пряча в своих сумерках уголок смуглой бархатистой кожи; чуть ниже ямочки, где сходились ключицы, сверкала тонкая бриллиантовая нить.

Разглядывая лицо молодой женщины, стройный стан, линию закованных в шелк бедер, расходящихся черным цветком от узкой стянутой талии, Давид вдруг поймал себя на мысли, что не желает думать о ее трауре. Женщина волновала его так, точно он и впрямь знал ее прежде, и знал близко!..

Порыв ветра и удар волны о каменный пирс – там, внизу, футах в десяти под ногами – оглушили Давида. Несколько холодных капель обожгли его лицо.

Глядя на носочки своих сапожек, женщина спросила:

– Вы спустились сюда ради меня?

– Да, – признался он.

– Я рада. Это правда. – Она внимательно посмотрела на него. – Скажите, вы исполните одну мою просьбу?

– Конечно, – не раздумывая ответил Давид.

Едва заметная улыбка пробежала по ее губам.

– Через неделю в доме герцогини Равенны Руоль будет праздник-маскарад. Его она посвящает знаменитому танцору – Казимиру Ковецкому... Вам известно это имя?

Давид кивнул.

– Я хочу пригласить вас на этот вечер.

Давид не успел даже удивиться, а юная женщина продолжала:

– Дом герцогини находится на улице Чудаков, за городом, под номером «четыреста семьдесят восемь». Вы пройдете мимо дворецкого, что будет встречать гостей у парадного входа, свернете на Темный переулок. Слева будут старые каретные мастерские, справа – парк герцогини. Это почти что лес. Идите вдоль чугунной ограды, пока не подойдете к арочным воротам – северным. Постучите в них. К вам выйдет седоусый старик, кривой на один глаз. – Она улыбнулась. – Не пугайтесь его внешности. Вы скажете ему: «Лейла велела передать, что в этом доме я буду желанным гостем». Вас пропустят. И не забудьте: с того момента вы должны быть в маске. Вы отправитесь к дому, обойдете его. До срока делайте то, что делают все гости – веселитесь. – Лейла требовательно

дотронулась до его локтя. – А теперь слушайте внимательно. От озера, которое будет найти несложно, расходятся три аллеи. Одна идет к дому, другая – к южным воротам, третья – к восточным. Последняя – ваша. Там, в дубовой роще, в беседке, ровно в полночь я буду ждать вас. Раньше меня не ищите... Да, и вот что еще. Вы появитесь в Жеррадоне, так издавна зовется поместье Руолей, под другим именем.

– Но зачем? – спросил Давид.

Она снова улыбнулась ему:

– Я так хочу. Это не для меня – для других. Пусть вас будут звать... мм... – она, не сводя с Давида глаз, приложила указательный палец в черном шелке к нижней губе, – скажем, Рудольф Валери. Да, именно так – Рудольф Валери. Вам нравится это имя?

Давид пожал плечами:

– Если таковы правила игры, то да.

– Вот и отлично, – сказала она. – А теперь, Давид, простите меня. Надеюсь, что не обижу вас. Сейчас я хочу остаться одна.

– Разумеется, – проговорил он. – Я ухожу.

Уже сделав несколько шагов, поддавшись смутному внутреннему чувству, он оглянулся. Кутаясь в мех, Лейла смотрела на него. Несмотря на печаль, закрывшуюся в ее голос, черты, Давиду опять показалось, что глаза женщины – лукавые, опущенные густыми ресницами, смеются.

– Не забудьте, – махнув зонтом, повторила она, – в беседке

за парком, в полночь!

– Я приду! – ответил он.

Крошечная фигурка женщины в черном оставалась стоять на пирсе даже тогда, когда гроза уже вступила в пределы города с его северной стороны. А экипаж уносил Давида, выглядывающего из-за брезентового дождевика назад, вдоль океана – по набережной.

Всю ночь над городом гремела пришедшая с Атлантики гроза. Она сотрясала Пальма-Аму. Ливень обрушился на город такой силы, что водосточные трубы захлебывались и стонали, выбрасывая из своих жерл каскады бурлящей воды. На улицах образовались реки. Окна дрожали и звенели в домах, когда после яркой вспышки, озарявшей ночные улицы, раздавался сухой треск, рассыпавший по крышам тяжелую свинцовую дробь. Так продолжалось всю ночь, и, наверняка, мало кто мог уснуть в городе в эти часы...

Стоя у окна своего номера в гостинице, Давид смотрел сквозь рябое от дождя стекло, как тускло бледнеют – там, на улице, – портовые фонари Пальма-Амы...

4

– У меня в доме все по-простому, Давид, – разбирая почту, говорил старик молодому человеку, сидевшему напротив него в гостиной. – Есть две женщины, горничная и прач-

ка: они приходят убираться и стирать пару раз в неделю. Обе молчаливы, и слава богу. – Баратран разглядывал имена на конвертах, иногда улыбался, иногда хмурился. – Повара у меня нет и не было – ем я крайне мало и готовлю себе сам. Того же потребую и от вас. Нет вездесущей экономки и обо всем судачащих слуг. Если честно, большое количество посторонних при моей профессии ни к чему. – Взглянув на Давида, старик улыбнулся. – Большую часть жизнь я провел в странствиях по миру и привык надеяться только на самого себя. Еще я крепко привык к одиночеству – и не боюсь его. Скажите, Давид, разве может быть одиноким настоящий творец?

Он вопросительно взглянул на молодого человека. Тот встал с дивана, прошелся по гостиной. Отрицательно покачал головой:

– Думаю, нет.

– Именно, Давид, именно.

Пока старик занимался письмами, Давид разглядывал белые гладиолусы в хрустальной вазе. Преломленные стебли цветов, покрытые пузырьками воздуха, казались зыбкими, почти бесплотными. Внезапно он вздрогнул – словно кто-то, подкравшись сзади, жестко хлопнул его по плечу. Но это всего лишь черная птица приземлилась на гостинные часы и теперь устраивалась поудобнее. Ворон Кербер также смотрел на него – гостя. Глядя в черные бусины с сизоватой поволокой пленчатых век, Давид искренне покачал головой:

– Мне кажется, господин Баратран, вашему ворону тысяча лет!

Держа в пальцах одно из полученных писем, старик улыбнулся:

– Предание рода Риваллей Арвеев Баратранов утверждает, что этот ворон бессмертен, молодой человек. Мои предки были аристократами и оставляли потомкам свои портреты. По иронии судьбы все они достались моей старшей сводной сестре Магнолине, которую я не видел уже лет двадцать, и даже не знаю, жива ли она. Так вот, на многих портретах есть черный ворон. И у каждой птицы не хватает на правой лапке одного когтя, как у Кербера. Что до моего старого друга, – он кивнул на птицу, – то я справлялся у орнитолога – это врожденный дефект. Иногда Кербер на годы покидает меня, но всегда возвращается. Где его дороги? Его небо? Думаю, я не первый, кто задается этим вопросом. – Глаза старика насмешливо сверкнули. – Но иногда, ночью, когда я застаю его здесь, у старинных часов с колокольным боем, вижу, как он слушает ход спрятанных под старым деревом механизмов, как следит за медным маятником и черными спицами стрелок, мне действительно кажется, что ему тысяча лет или даже больше!

Старик взял со столика ножницы, срезал край конверта, вытащил открытку и чиркнул по строчкам взглядом.

– Нет-нет, сюда я не пойду, – покачал он головой, – ни за какие коврижки! – Старик отложил открытку, прицелился

еще к одному письму, с интересом взял его, клацнул ножницами. – Еще минуту, Давид, еще минуту...

Пока Баратран читал новое письмо, молодой человек, проходя мимо, зацепил взглядом на конверте фамилию отвергнутого адресата. Там значилось: «Герцогиня Руоль, Равенна. Улица Чудаков, «478». «Интересно, – размышлял гость, – что связывает старика и эту герцогиню, в чей дом вчера он был приглашен красоткой Лейлой?»

Но спросить не решился.

В мастерской, куда они вошли вместе, стены оказались голыми – кирпич, штукатурка. Окон не было. Каземат, да и только! Зато от потолка трудно было отвести взгляд – он был стеклянным, составленным из рам, и открывал половину неба над Пальма-Амой.

В левом углу на стульях сидели двое молодых людей: долговязый парень с волосами цвета спелой пшеницы, и второй, похожий на забытую кем-то тень.

Еще два стула были свободны.

– Прошу любить и жаловать – Давид Гедеон, – представил третьего ученика Огастион Баратран. – Карл Пуливер и Вильям Леж. Надеюсь, вы станете друзьями.

Наказав ждать, старик исчез за небольшой дверью в конце зала.

– Карл Пуливер – это я, – вставая, добродушно сказал долговязый. – Но вы зовите меня просто Пуль. Я – Рыжий

клоун, – с гордостью добавил он. – Был им до сегодняшнего дня. – Они пожали друг другу руки. – А это – Вилий Леж, – Карл заговорщицки подмигнув Давиду. – Он до сегодняшнего дня писал картины.

Тот, кого называли Вилием Лежем, по всему – замкнутый молчун, поздоровался тихо и безразлично. Давид понял сразу, что с этим человеком они вряд ли хоть немного сблизятся.

Скоро из комнатки в мастерскую вышел старик. Он был в свободной белой одежде, в какой, не стоило труда догадаться, ходят индусы.

– Я рад видеть вас вместе, – подходя к ним, сказал Баратран.

Он сел напротив молодых людей, вытянув и скрестив ноги.

– Господин Пуливер часть жизни провел на манеже, Давид Гедеон – на сцене, Вилий Леж – за мольбертом, – кивнув каждому, проговорил старик. – Но каждый из вас страстно хотел чего-то большего. Возможно, именно у меня вы и получите то, что искали. Искусство, которым владею я, – тысячелетнее наследие Великих Брахманов, жрецов Огня. Я на сегодняшний день – единственный их преемник. Все остальные посвященные при различных обстоятельствах ушли из жизни.

Баратран не усидел-таки, встал со стула и теперь прохаживался по мастерской – под прицелом трех пар следивших

за ним глаз.

Наконец, он остановился.

– Тат твам аси, – произнес таинственную фразу старик. – Или, в переводе с санскрита, «ты есть то» – основополагающая формула многих религий Востока. Для исповедующего буддийскую религию земная жизнь бессмысленна и враждебна. Смысл имеет лишь одно – объединение души человека с душой всего сущего. Самые требовательные к себе буддийские монахи прекращали всяческое сношение с материальным миром, с окружавшими их людьми. Они уходили в леса и горы, где питались кореньями и водой, отказываясь ото всех земных благ. Но оставалась еще вторая часть – мистика. Перед отшельником стояла главная задача – соединить себя с Богом. Шло время, и деяния отшельников, ушедших от мира в поисках внутреннего совершенства, стали приносить результаты. Изучая душу, древние буддисты невольно познавали психологию и физиологию. Как море на протяжении долгих лет обтачивает камни, придавая им округлые, обтекаемые формы, так же и века обтачивали и совершенствовали знания отшельников. Так возникла китайская медицина и два метода ее терапии. Так появились йоги – люди, способные умерщвлять свою плоть и воскрешать ее. Так появилась древняя борьба, обладатели которой крошили руками камень и пробивали пальцами железо. Среди всех этих разгадчиков человеческого существа был один клан, мало кому известный, состоявший из единиц. Он пе-

редавал свое искусство из поколения в поколение лишь избранным соплеменникам. Обладатели этого искусства, проложившие великий путь сквозь темный лабиринт человеческого «Я», творили чудеса. Их окружение и они сами считали себя поднявшимися к Богу. То, чем они овладели, и было магией Огня, воплощением в пространстве. Многие религии убеждены, что мир создан из огня. Некоторые проповедуют, что Бог это и есть – огонь. И у всех религий телу отпущены мгновения, душе – вечность. Жрецы Огня воплощали не что-нибудь – свою душу! Они превращали ее в чистый огонь. Великие Брахманы были уверены, что они – каста богов на земле. Те, кому вверены все тайны Вселенной. Каста, в сравнении с которой даже цари – ничтожны. И кто, отправляясь в великое странствие после смерти, воссоединится с Создателем всего сущего. Потому что, оставив брентную оболочку на земле, они смогут обратиться в чистый Огонь!

Старик вновь опуститься на стул, вытянув и скрестив ноги.

– Теперь об инструментарии. Энергия, заложенная в человеке, практически беспредельна – нужно только уметь раскрепостить ее. А сделать это можно лишь благодаря умело контролируемой психике и физиологии. У древних тибетских медиков существовало учение о меридианах и протекании по ним «жизненной энергии». «Точка на теле – мозг – жизненный орган» есть тот волшебный треугольник, те три кита, на которых держится древневосточная медицина.

Путем массажа одних точек врач, владеющий этой методикой, может направлять или отнимать у больного органа энергию, тем самым стимулируя его работу. Жрецы Огня добились большего: они уразумели, что можно регулировать свою энергию без применения массажа или иглотерапии, а всего лишь путем определенных движений самого тела и силой своей воли.

Баратран охватил цепким взглядом трех молодых людей.

– Каждый из вас знает старую поговорку: «Глаза – зеркало человеческой души». Кто был тем мудрецом, кому пришло первому в голову: если в глазах можно увидеть человеческую душу, почему нельзя получить ее зеркальное отображение в пространстве?.. Я знаю лишь точную науку «искусства воплощения», но как шли к этой науке на протяжении столетий, с каким трудом преодолевали преграды, не пытаюсь даже догадываться!

Огастион Баратран умолк, точно решал: быть ему до конца откровенным с учениками или промолчать.

– Противники Великих Брахманов, обвинявшие жрецов в гордыне, так же передавали из поколения в поколение легенду о рождении Огня, – уже иным тоном проговорил старик. – Однажды Некто, гордый и свободный, презревший власть Творца, пришел на землю и сделал дерзкий подарок маленькому народу, живущему на Горе Дракона. Он подарил им невиданный ранее Огонь, в пламени которого заключалась великая сила и власть. Сила, способная превратить вас

в непобедимого война, и власть, покоряющая умы и сердца людей. В руках мудрого и достойного эта власть была скромным подарком. В руках тщеславного гордеца – угрозой каждому. В руках человека с черным сердцем – чудовищной, разрушительной силой. Та легенда гласила, что Некто, покидая этот мир, открыл своим ученикам будущее. Он вернется – вернется на землю для великой славы, чтобы снова взять Огонь, подаренный им, и покорить мир!

Старик поднялся со стула.

– Как бы там ни было, через несколько минут, если кто и надумал сбежать от меня, подозревая, что я сумасшедший, этого сделать уже не сможет.

Огастион Баратран подошел к дальнему углу зала, потянул за длинный шелковый шнур, и первый отрез материала стал закрывать осеннее небо. То же самое Баратран проделал и с другой половиной стеклянной крыши.

Через пять минут трое молодых людей оказались в крошечной темноте.

Маленькая лампочка на стене вспыхнула мягким и ровным светом, но он был скорее символическим. Привыкнув к полутьме, Давид увидел старика, стоявшего в середине зала. Прошло минут пять, когда одна рука его плавно отделилась от тела, затем вторая, тело изогнулось, в игру вступили ноги. И скоро уже Давид был целиком во власти странного, ранее никогда не виданного им танца...

Он наблюдал, как в темноте, наполнившей собой огромное пространство, шагах в двадцати от него из фосфорических светящихся комков рождается фигура белоснежного барса. Зверь танцевал. Он отталкивался от земли, которой не было видно, на широких лапах поднимался в воздух, парил там, словно для него не существовало закона тяготения, и так же медленно опускался обратно. Иногда барс переворачивался в воздухе, но приземлялся всегда на свои мощные серебристые лапы. Все, что хотелось Давиду в эти минуты, поймать взгляд животного. И наконец это случилось – взгляд барса коснулся его глаз. Скоро это повторилось вновь. И еще раз. Давид чувствовал, что животное теперь все время смотрит на него. Но выражение глаз животного изменилось, и не только выражение, но и сами глаза. Они, ледяные, немигающие, изучали Давида почти с человеческим интересом. И тут Давид догадался, что это и есть глаза человека! И тогда он понял – нужно бежать. Бежать куда угодно, без оглядки, лишь бы не видеть этих ледяных, желтых, пристально глядящих на него глаз. Но тут же осознал, почему не сделал этого раньше – за ним была стена! Давид похолодел. Ноги его подгибались, тем не менее он стал медленно красться вдоль этой стены. Но сколько ни двигался, осторожно, стараясь не выдать своего бегства, животное оставалось от него на том же

расстоянии. Новая догадка поразила его: он был в замкнутом пространстве – в круге! А в человеческих глазах животного уже читалось любопытство – злое, жестокое любопытство! И вдруг серебристая шкура барса словно погасла – стала пепельной. А глаза животного горели тем ярче, чем темнее становилась его шкура, и главное – по-прежнему смотрели на Давида. Тело барса превратилось уже в одну серую тень. Давид стоял, не двигаясь, упираясь в стену руками. И тут он увидел, что животное приближается к нему и что это уже не животное, а одни светящиеся глаза, потому что шерсть из серебристой и пепельной давно превратилась в черную, как смоль. Но где-то в этом душном пространстве, вместе с холодными желтыми глазами, на него двигалось, выгибая спину, вытягивая морду вперед, мускулистое тело животного. Оно медленно шло к нему... И тогда Давид закричал – отчаянно и страшно... А глаза животного с черными зернышками зрачков уже стояли рядом и в упор смотрели на него...

Давид очнулся, сидя в постели. Лунный свет, падавший из окна, заливал мутным серебром гостиничный номер. Давид вспомнил белоснежного барса, танцующего в темной зале, в доме на бульваре Семи экипажей. Серебристую шкуру. Барс сложился из светящихся комочков воздуха, стал реальным. И казался ручным. Старик, точно дрессировщик, управлял им. Давид вспомнил весь танец животного, рожденного из неведомого ему огня, от начала до конца. Но как странно изменился в его ночном кошмаре танец великолепного сереб-

ристого животного! И откуда взялся этот монстр, только что в упор смотревший на него?

Давид повалился назад, головой в подушку, и еще долго глядел в потолок. Сможет ли он забыть о том, что видел в особняке Огастиона Баратрана? Об этом чуде? Сможет ли забыть свой страх и безграничный восторг? Захочет ли?..

6

Вечером следующего дня Давид забрел на Ночной бульвар, сияющий от огней, что переливались на мокрых мостовых. По нему катили, теснясь, экипажи и гуляли сотни наряженных людей. Здесь пахло духами и табаком, тут искали удовольствий. Конечно, по Ночному бульвару веселее было слоняться с туго набитым кошельком, а не с теми крохами, что оставались у молодого бродяги на черные времена, но здешняя жизнь не могла оставить равнодушным даже рассудительного бедняка!

В кабаре «Алая роза» было шумно. Шрапнелью за столиками рвалось шампанское. Маленький оркестр играл канкан – зажигательно, что есть мочи. Восемь ладных девушек-танцовщиц визжали, платья их взрывались белыми кружевами юбок, выбрасывая колени, туфельки и ляжки в кружевных штанишках. Были и другие номера. Давид уже допивал бутылку вина, когда на эстраду вышел полный, розовощекий, напудренный, похожий на переспевший фрукт, пожи-

лой конферансье.

– Смеррррртельный номерррр! – надтреснутым голосом прокричал он. – На сцене кабаре «Алая роза» Госпожа Виолетта Барр и ее питон! Прррррошу!

Он сделал взмах рукой и, на удивление бойко отпрыгнув в сторону, скрылся в кулисах. И тогда под мелкую барабанную дробь не сцену вышла женщина в ярком, по-восточному пестром плаще, скрывавшем ее тело от шеи до пят, и в мягких башмачках с загнутыми носами. Золотая маска оставляла возможность только гадать, каковым было ее лицо. Черные, как смоль, волосы были собраны в пучок над макушкой и падали змеевидными локонами на затылок и лоб.

За женщиной вышел мальчик с духовым инструментом, похожим на свирель. Сев на подушечку, подогнув под себя ноги, он приложил дудку к губам и, стоило барабанной дроби смолкнуть, заиграл. Зал кабаре вдруг затих. Мелодия была дрожащей, похожей на журчание ручья, на переливы цветного шелка, на долгую, почти бесконечную ночь над белыми минаретами, дворцами, пустынными восточными улицами, над лимонными садами и пустынями, по которым, серебрясь от лунного света, проплывают от одного – цветущего даже во сне – города к другому длинные полусонные караваны... Неожиданно руки женщины сбросили плащ назад, и Давид увидел ее всю – смуглую, тонкую, охваченную кольцами змеиного тела. Голова чудовища спала на груди женщины, едва прикрытой серебристой полоской с чашечками на сосках;

такая же серебристая нить шла через ее бедра, сходясь в середине в крошечный треугольник.

Женщина подошла к краю сцены. Ловко перебирая пальцами, мальчик в тюрбане выдувал свою нездешнюю мелодию...

Танец женщины начался. Он рассказывал о любви человека и змеи – о любви двух существ, которые никак не могут насытиться друг другом. Давид не мог оторвать от женщины глаз – ее тело было совершенно. В животной силе и грации оно не уступало змее. А та, тем временем, волнами перетекала по ее телу, освобождая его и вновь овладевая им. То обнажая ее живот и темную ямочку пупка, серебряные блюдца на сосках, то закрывая все это своим блестящим, изумрудно-золотистым мускулистым телом... Это было одной из самых невероятных и самых красивых любовных игр. Руки женщины, ее бедра повторяли движения змеи, сливаясь с ней в одно целое или ей противостоя. Женщина вставала на колени и на цыпочки, кисти то нервно рассекали воздух, то бесконечно медленно и плавно скользили по нему, а змея кольцами захватывала ее ноги – колени, икры, лодыжки; плечи, грудь танцовщицы, шею и запястья... И вот тут Давид обратил внимание на ее левое запястье – его стягивал знакомый золотой браслет в форме змеи. «Лейла?!» – прошептал он. Давид одолжил бинокль, настроил его, но тотчас музыка бесконечных песков закончилась. Он увидел лишь пестрый плащ, лежавший на сцене бесформенной цветущей клумбой,

лицо мальчика, его белый тюрбан, и черные, змеевидные локоны, расплзавшиеся по плечам уже исчезавшей за кулисами танцовщицы. Сколько зал ни аплодировал ей, сколько ни кричал восторженно, она не вышла.

Давид вернул бинокль хозяйке, подозвал официанта, расплатился и поспешно направился в гардероб.

Бульвар мелодично гудел. Пахло недавно прошедшим дождем и ночной свежестью. Постояв в нерешительности на ступенях парадного входа, Давид быстро сбежал по ним, но не окунулся в толпу, а обогнул здание кабаре...

...Когда с черного входа вышли трое: высоченный пожилой мужчина-усач, державший огромный чемодан, женщина и мальчик, Давид спрятался в тень. Но стоило им обойти дом, как он шагнул за ними следом. А выглянув из-за угла дома, увидел, как женщина и мальчишка садятся в фиакр. Погрузив чемодан, пожилой мужчина, точно чувствуя преследователя, обернулся: у него был только один зрячий глаз – левый! Правый закрывало бельмо. Взобравшись на козлы, пожилой великан в черном, чьи седые горизонтальные усы двумя пиками расходились в стороны, поднял вожжи. Фиакр тронулся, спицы в колесах закружились, догоняя друг друга...

Утром в большой зале с прозрачной крышей, уже переодевшись в белый наряд, трое молодых людей опустились на циновки, по-восточному перекрестив ноги.

– С этой минуты, господа, – проговорил старик, – вы – мои ученики. Я не стану брать с вас никаких клятв – это бессмысленно. Если вы не желаете потерять алмаз, сияние которого уже видели, то будете во всем слушаться меня. Запаситесь терпением, и я выведу вас на прямую дорогу, которая однажды приведет вас к цели. Вначале я научу вас разжигать в себе семь огненных чакр, семь огненных цветков. Я помогу вам освободить ваши энергетические пути и научу вас прожигать этой энергией каждый миллиметр своего тела, и от простуды и насморка вам будет избавиться так же легко, как от занозы, когда в ваших руках есть игла и пинцет. Я покажу вам таинственную и неведомую для многих карту нервных точек на человеческом теле, которых тысячи; стоит умело дотронуться до одной из них – и вы сможете избавить человека от его недуга. Я научу вас великой хитрости – брать энергию из космоса, и у вас всегда, даже после самых серьезных упражнений, будет сил больше, чем у любого другого человека. Я научу вас видеть перед собой воздух, как каменную стену, чтобы годы спустя эта стена стала полотном, на которое вы сможете выплеснуть свои краски – силу вашей

души. И постараюсь научить управлять этой силой. Нет ничего сложнее, но и ничего величественнее и прекраснее тоже нет! Может быть, наступит такой день, когда ваши занятия покажутся вам мукой. Пересильте себя! Может быть, вы станете кусать локти оттого, что у вас ничего не выходит. Не теряйте силы духа – идите только вперед! Главное уже сделано: увиденное вами стало частицей вас. Вы не бросите самих себя. Ничто не стоит такой жертвы. Только молитесь Богу, молодые люди, чтобы я прожил еще лет десять-пятнадцать. Если вы окажетесь у самого порога, но дальше ход будет вам закрыт, вы проклянете себя за то, что пришли сюда.

Глава 3

Танцовщица из кабаре «Алая роза»

1

В назначенный день, во фраке, скрытом плащом, в цилиндре, лаковых туфлях, держа под мышкой трость, Давид вышел из дома Огастиона Баратрана.

На Пальма-Аму наплывали сумерки.

Давид нанял экипаж, назвал адрес и забрался под черную брезентовую крышу. Он разглядывал убегающие назад дома. Потом – уплывающие туда же пригородные виллы, темнеющие леса, вымокшие до нитки за последние две дождливые недели. Вороны кружились над рощами, полянами и скошенными лугами на фоне красного, ослепляющего диска солнца. Время от времени его догоняли богатые экипажи, кареты и даже автоколяски – на редкость неуклюжие уродцы. Нетрудно было догадаться, что все они держали путь в одном направлении – к владениям герцогини Равенны Руоль...

Не прошло и получаса, как Давид увидел впереди, справа от дороги, за оградой и деревьями парка, роскошный дом в четыре этажа, с флигелями и пристроями. Настоящий замок, сверкавший иллюминацией так, словно вот-вот готов был вспыхнуть и в несколько мгновений сгореть.

У парадного шло столпотворение. В сиянии иллюминации по дорожкам парка двигалось множество людей. Давид проехал дальше, на углу улицы Чудаков и Темного переулка отпустил экипаж и двинулся вдоль старых каретных мастерских, о которых говорила его новая знакомая. Шум, доносившийся со стороны центральных ворот, принимавших гостей герцогини, здесь был едва слышен.

Странный стальной звук, тянувшийся вдоль самой ограды, не отставал от него. Давиду показалось, что за чугунными копьями его преследует черная тень. А вдалеке он уже различал ворота и домик, в котором горело одно окошко.

Через минуту он стучал тростью в литой чугунный щит на воротах. В домике приоткрылась дверь, затем отворилась широко, и на крыльце появился человек в длинном плаще. Спустившись с лестницы, не торопясь, он подошел к воротам. То был высокий, прямой и широкоплечий старик с острыми, как пики, усами. Лицо его, скрытое от света, приглушенно лившегося из парка, оставалось темным.

– Что вам, сударь? – рассматривая гостя, бесстрастно спросил он.

– Мое имя – Рудольф Валери. Лейла велела сказать, что в этом доме я буду желанным гостем.

Мрачный сторож приблизился, прихватил крепкими руками чугунные прутья ограды. Лицо его все еще было черно. Давид терпеливо ждал. Помедлив, старик вытащил из кармана связку ключей, определив один из них на ощупь, сунул

в замочную скважину. Провернув его там два раза, открыл ворота.

– Прошу вас, сударь, – пропуская гостя и запирая за ним, сказал он. – Ступайте к дому по этой самой аллее.

Молодой человек огляделся. Вымощенная камнем дорожка начиналась от самого домика, вела мимо клумб и рассекала крохотный лесок впереди.

– Это самый кратчайший путь, – пряча ключ обратно в карман плаща, пояснил старик и повернулся к свету.

Фонарь у сторожки горел неярко, но Давид успел разглядеть неподвижное лицо старика, а главное – его глаза. Левый смотрел зорко, точно у ястреба, что с высоты облаков выглядывает свою добычу, правый – закрывало сизое бельмо.

– Вам выпала большая честь, сударь, – сверля гостя единственным глазом, сказал старик. – Высокая честь!

– Надеюсь на это, – откликнулся Давид, а про себя подумал: «Возница танцовщицы! Ну и образина!»

– Только не забудьте надеть маску, сударь, – бросил ему вслед старик. – Ни с кем не заговаривайте, до поры держитесь особняком. А главное, во всем слушайте госпожу Лейлу!

– Благодарю! – через плечо торопливо бросил Давид.

Шагая в сгущающейся темноте по аллее, все дальше уходя от сторожки, он чувствовал, что единственный глаз ночного стража упорно буравит его спину.

Деревья парка слева и справа проступали черными силуэтами на фоне сумеречного, темнеющего с каждой минутой неба. Музыка, доносившаяся издалека, становилась слышнее.

Блиставший огнями – сразу всей громадой выплыв из-за деревьев – замок герцогини приближался. Оттуда уже доносился целый хор инструментов – оркестр играл Оффенбаха.

Надев маску, Давид обогнул один из флигелей дома и, почти сразу оглушенный оркестром, увидел множество наряженных людей. Переборов последние крохи нерешительности, Давид смешался с гостями. В ожидании ночных увеселений мужчины и женщины, все – в масках, перетекали по аллеям парка, освещенного лампами и цветными фонариками, разговаривая и смеясь, сверкая шелком и драгоценностями.

На широкой эстраде, сложенной из стеклянных плит, под которыми горели цветные огни, вальсировали пары.

Вдруг оркестр смолк, и лишь только последний аккорд вальса растаял в прохладной свежести наступившей ночи, как в возникшей тишине пошел шепот: «Герцогиня! Герцогиня!»

По широкой дороге, ведущей от дома, четверо слуг в ливреях торжественно несли носилки. На них, в большом кресле, похожем на трон, восседала женщина с золотыми, высоко стянутыми на затылке, на греческий манер, волосами, в сверкающем, словно осыпанном алмазной пылью, глубо-

ко декольтированном платье; лицо ее было свободно от маски, на голых плечах, похожий на глыбу льда, лежал белый мех, отливая в сиянии иллюминации лимонно-серебристым светом. Процессия приближалась к сцене... Проплывая над головами приглашенных, по-королевски величавая, хозяйка радушно улыбалась всем, кто стоял вдоль дорожки, изредка поднимая, грациозно приветствуя того или иного гостя, холеную руку.

Позади носилок шел светловолосый человек в черной маске, укутанный в черный плащ, доходивший ему почти до пят.

Четыре гиганта опустили носилки у самой сцены. Женщина, поддерживая платье, встала и, обернувшись ко всем, указала рукой на человека в плаще.

– Это мой пленник, господа! – громко сказала она. – Пленник, друг и гость. И ему одному, в знак моего особого расположения и особой любви, я разрешаю снять маску!

Тот, кого называли пленником, другом и гостем, легко сорвал маску с лица, оказавшись привлекательным светлоглазым юношей. «Пленник» развязал на шее шнур и, рывком сбросив плащ, остался в одном черном трико, обтягивающем его сухощавую атлетическую фигуру.

– Казимир, прошу вас! – громко произнесла герцогиня.

Поцеловав хозяйке дома руку, под рукоплескания зрителей, едва касаясь светящихся разноцветных ступеней, Казимир Ковецкий взбежал на сцену. И уже через минуту, ко-

гда оркестр превратился в один грозный поток вагнеровской музыки, он танцевал. Освещенный огнями, мускулистый, изящный, легкий, как перо, он торжествующе парил над сценой...

Стоя в плотном кольце гостей, шагах в двадцати от Равенны Руоль, Давид рассматривал ее лицо, по которому перетекали цветные огни. Она улыбалась – таинственно, почти отрешенно, жадно впитывая глазами каждое движение танцора...

...Он шел аллеей по берегу озера, в котором отражались огни фейерверков. Они взрывались хлопками за его спиной, возникая вдруг цветными россыпями в темной воде. Торжество находилось в самом разгаре. Близилась полночь...

У развилки, где широкая длинная дорога расходилась на три узких аллеи, гостей герцогини уже не было. Все оказалось так, как сказала ему Лейла – средняя дорожка уходила к чернеющему вдалеке лесу. Но чем дальше он шел по ней, тем сильнее его охватывало чувство неясного беспокойства, тревоги, словно там, где-то уже рядом у таинственной беседки, его поджидало нечто, чего стоило остерегаться...

Стоило ему войти в этот лес – бесконечно угрюмый, как он пожалел, что не взял с собой хотя бы ножа! Две плотные стены деревьев обступали его с обеих сторон. Когда-то, верно, это была настоящая чаща, где водились олени, волки, медведи. И если какому-то зверю удавалось уйти от облавы и

скрыться в зеленой пучине, вряд ли гончие псы и егеря герцогов Руолей отваживались долго преследовать их...

– Давид!

Он остановился, чувствуя, как бешено бьется его сердце.

– Я здесь, Давид, – повторил тот же голос, вырвавшись из темноты справа.

Его глаза жадно бегали по темным лесным углам, пока, присмотревшись, он не увидел крышу высокой беседки. Ее уголок с тонкой линией колонны выхватывал серебристый свет лунного серпа. Давид шагнул с аллеи и, только оказавшись шагах в десяти от беседки, разглядел у перил фигуру женщины в темном.

– Я рада, что вы пришли, – сказала его знакомая, когда он поднимался по деревянным ступеням.

Темные глаза Лейлы блестели и, как показалось Давиду, смеялись. В облегающем платье цвета вороного крыла, с широким мехом чернобурки на голых плечах, вся она – тонкая, юная – была эхом ранней осени, ночной свежести, запаха леса, редких вспышек далеких огней.

– А я опасался, что все это шутка, – признался он и тут же спросил. – Вам не страшно здесь, одной?

– Снимите маску, – вместо ответа попросила она.

Давид торопливо сдернул маску и спрятал ее в нагрудный карман фрака.

– У вас красивые глаза, Давид, – заметила юная женщина, – и брови вразлет. – Лейла не сводила с него своих хо-

лодных и насмешливых глаз – она изучала его. – Упрямый подбородок, воля в каждой черточке губ. И какая стать! Вы – красавец, Давид, я заметила это сразу, как только взглянула на вас – в день нашего знакомства.

Он хмурился, слушая похвалы: эти оценки так не шли к ее юному возрасту! И медлил с мучившим его вопросом...

– Скажите, Лейла, – тоже став решительным, – вы любите змей?

– Змей? Странный вопрос. К чему он?

– Однажды вечером я бродил по городу и заглянул в кабаре «Алая роза»... Я видел ваш танец.

– Почему вы решили, что это была я?

Давид взял ее левую руку.

– Вот по этому браслету – по золотой змее.

– И только?

Он не отпускал ее руки.

– Нет, не только. Можно подделать браслет, но повторить вас, такую, какая вы есть, вряд ли возможно.

Лейла улыбнулась:

– Эта женщина и впрямь была так хороша?

– О, да! – с жаром воскликнул он. – Она была прекрасна!.. Но тогда, на пирсе, вы сказали мне, что у вас траур по мужу?..

– Я не любила его, – ответила она. – А может быть, его и не было вовсе. Какая теперь разница? Или не так? – Лейла положила руку ему на грудь. – Вы растеряны, Давид. Вас...

что-то пугает во мне?

Он посмотрел в ее глаза. Ему в который раз показалось, что он говорит со взрослой, опытной женщиной, так холодно и уверенно звучало каждое ее слово.

– Вас провожал седоусый человек с походкой старика. У него было бельмо.

Лейла подняла брови:

– Вы следили за этой женщиной?!

– Да. Это был ваш слуга? Или слуга герцогини? Ведь это он только что открывал мне ворота, не так ли?

Глаза Лейлы блеснули в неярком лунном свете. Не отрываясь, она смотрела на него.

– Ты задаешь так много вопросов...

Она коснулась ладонью его щеки, и только тут он ощутил, что, несмотря на прохладный ночной воздух, лицо его горит.

– Тебе мало того, что я здесь, с тобой?.. Давид?

– Конечно, нет, – быстро, словно очнувшись, проговорил он. – Это ваши тайны, я не имею на них право.

– Я не хочу, чтобы ты говорил мне «вы», – прошептала она, касаясь губами его лица. – Я знала, что в тот день кто-то, похожий на тебя, обязательно найдет меня...

Запах духов и тела, голос юной женщины заставили Давида привлечь ее к себе. Они целовались жадно, боясь отпустить друг друга. Став податливой и легкой в его руках, Лейла порывисто отвернулась, и широкий мех потек с ее голых плеч на пол беседки, щедро открывая Давиду смуглое юное

тело. Он едва помнил себя, когда эта женщина, тесно прижавшись к нему спиной, откинула голову назад. Она утопила его лицо в своих душистых волосах, его же поразили ее глаза – бесконечно темные, помутневшие, влажный полуоткрытый рот. Уже почти бессознательно шепча слова желания, она льнула и тянулась к нему одной упругой волной. Голос Лейлы стал хрипловатым, словно простуженным, когда он, забыв обо всем, лова губами ее губы, собирал в пальцах с ее бедер черную шелковую паутину...

Давид очнулся, когда женщина, с которой он был, закричала: это был хриплый крик – безумный и страшный, вырвавшийся в ночь и растаявший среди черных стволов и ночного неба.

Потом, не убирая головы с его плеча, она тихо сказала:
– Из нас выйдет неплохая пара... Я права?

Медля с ответом, он никак не решался отнять ладони от ее пылающих бедер. Но горячую кожу уже остужал ночной ветер. Давид коснулся губами уха юной женщины:

– Пожалуй...

– И может быть, это не случай свел нас, но что-то большее?... А, Давид? – спросила она, поворачиваясь, приникая к нему...

Он не решался верить тому, что увидел: темные глаза Лейлы были бесстрастны и холодны как лед. В них не было ни слабого отголоска, ни тени того чувства, которое только что, успев смутить его, бушевало в ней.

– Я... – негромко проговорил он. – Я не знаю.

Лейла ласково отстранила его и принялась поправлять свое белье, но вскоре, безнадежно вздохнув, избавилась от него, швырнув целый ворох разорванных лямок, резинок и прозрачных лоскутков вон из беседки. Стянув с ног чулки, она отправила их туда же – в темноту.

– Благодаря твоему упорству, это мне больше не пригодится.

Лейла оправила платье. Он поднял с пола беседки ее мех.

– Хочу шампанского, – сказала она. – Идем-ка в дом, милый Давид. Я знаю аллеи, которые быстро приведут нас к черному входу. Ключ от его дверей всегда при мне.

– Ты служишь у герцогини? – спросил он.

– Как ты догадлив, – снисходительно улыбнулась она. – Да, я служу у герцогини. Я ее камер-фрейлина. И еще – ключница. Идем же, тебя там никто не съест.

Остановившись у дверей с низким портиком, Лейла отперла их.

– Сюда, – сказала она и, крепко взяв Давида за рукав, быстро втянула его в черный проем.

Избегая гостей герцогини, попадая из светлых коридоров и зал в темные, они остановились у очередных дверей.

– Это твоя комната? – спросил он.

– Входи, – вместо ответа тихо сказала Лейла.

Свет ослепил его мгновенно. Давид зажмурился, а когда

открыл глаза, то увидел, что находится в гигантской костюмерной. Платья любых эпох, включая военные мундиры, были тут.

– Зачем все это герцогине? – спросил Давид. – Да еще столько?

– Разве ты не знаешь, что полгода назад Равенна Руоль решила набрать труппу актеров для собственного театра? Об этом писали все газеты. Другое дело, что сегодня она вряд ли уже вспомнит о своем капризе!

Давид взял руку девушки, но та проворно освободилась. Засмеявшись, Лейла отступала, хватая одежды, роняя вешалки, путая ряды, перегораживая за собой путь. Принимая игру, Давид уже двинулся за ней, наступая на платья, меха, сюртуки, но потом обернулся, быстро перескочил через вороха одежды и у самых дверей выключил свет.

С улицы доносились крики, смех, звуки канкана. Здесь, в темной костюмерной, стояла тишина.

– Где ты? – спросил он, осторожно шагая вперед.

– Почти рядом, – ответил ее голос, и тут же он увидел силуэт Лейлы, возникший на фоне светлого окна.

Как охотник идет к добыче, он двинулся на нее. Давид уже был близко, когда вспышка фейерверка залила холодным светом костюмерную. Он увидел жадный полуоткрытый рот женщины, трепетавшие крылья ноздрей. Лейла смотрела на него так, словно не он был охотником, а она. Давид протянул к ней руку, но она отступила вновь, исчезая в много-

численных тенях этой залы. И позволила поймать себя лишь в дальнем углу.

Он положил ей руки на плечи – и легкое платье поползло вниз. Завороженный ее наготой, каждой линией ее тела, ровной смуглой кожей, он больше не сомневался в том, кого видел тогда на сцене кабаре.

– Тебе нравится то, что ты видишь? – спросила она, укладывая руки ему на плечи.

– Да, – обнимая ее бедра, ответил он, – я уже боготворю это тело. Оно точно...

– Тело змеи, что ползет меж камней, при луне, отливая изумрудной кожей? – оживая, отвечая движением на каждый его поцелуй, засыпая его лицо волосами, спрашивала Лейла.

– Да, – шептал он, когда она отпускала его губы.

– Точно гладкая, сверкающая на солнце шкура черного леопарда, – льня к нему, прогибая спину и уже заражая его своим огнем, вкрадчиво говорила Лейла, – леопарда, что разрывает свою жертву – разрывает легко и красиво? Да?

Эта женщина смеялась над ним, кусая его губы, мочки ушей, пальцы. Она, совсем еще юная, играла с ним так, как взрослая кошка, искушенная в забавах всей тонкостью своей кошачьей природы, играет с пойманной мышью.

– Да, конечно, – ища губами ее губы, готовый к борьбе – яростной, отчаянной, хрипло повторял он.

– Лейла! Лейла! – кричал в коридоре за дверью женский голос – повелительный и капризный.

Она, утопив в меховой накидке, брошенной на пол, поллица, плечи, локти и грудь, прогнувшись волной, отдав его рукам свои бедра, была далеко отсюда. Но этот крик коснулся слуха Давида. Голоса уже были слышны у самой двери. Давид едва успел дотянуться, чтобы одной рукой зажать рот Лейлы.

Дверь на другом конце костюмерной открылась.

– Лейла! Ты здесь? – спросил тот же капризный женский голос.

Свет внезапно ослепил Давида, еще сильнее сжавшего ладонью рот женщины.

– Боже! – воскликнул голос. – Здесь что, прошли сарацины?! Ох, я больше не буду давать приемы. Казимир, уведите меня отсюда. Это не мой дом.

Свет потух. Дверь закрылась. Шаги уже таяли в коридоре, когда Давид от боли сжал зубы – Лейла, превратившись в один сокращающийся мускул, прокусила ему руку. Отпустив ее рот, морщась, Давид с трудом разжал кулак. Сам не зная, зачем делает это, он провел ладонью от лопаток до ягодиц еще тесно прижимавшейся к нему женщины. В бледном предрассветном свете, падавшем из окна, он увидел на спине Лейлы темный след. Ее кожа стала липкой. Это была кровь – его кровь.

– Ты самый выносливый зверь, каких я только встречала, мой милый Давид, – запрокидывая голову, проговорила она.

Он опустил в тот же мех, и Лейла волной перетекла на

его колени. Ее глаза уже были трезвы, и он вновь увидел на ее губах улыбку, с которой не мог смириться – холодную и бесстрастную.

– Ты слишком жестоко обошлась с моей рукой, – стараюсь быть беззаботным, сказал он.

– Не страшно потерять десять капель крови.

– Вот как? – усмехнулся Давид.

– Да. Не страшно потерять ее всю. – Она взяла его руку в свою, поднесла к своим губам, вылизала темные пятна. Затем, поднимая глаза, сказала: – Страшно другое, Давид.

– Что же?

Но Лейла словно и не услышала его вопроса.

– Одевайся, – сказала она. – Наша с тобой ночь прошла.

Лейла хотела встать, но он удержал ее за руку.

– Ты мне не ответила.

– В другой раз, – она поцеловала его в губы, и он почувствовал на языке вкус собственной крови. – У нас будет еще время поговорить об этом. Где же мое платье?

Одевшись почти на ощупь, они вышли в коридор. Дом был пуст и тих.

– А где все гости? – удивленно спросил Давид. – Хоть парочка заплутавших пьяниц?

– Праздник закончен, – ответила Лейла. – Все, кто приходит сюда, знают: герцогиня не любит затянувшиеся приемы, тем более навязчивых приглашенных. Остаться может только один человек – счастливчик.

– Счастливчик?

– Это так, к слову. – Лейла остановилась, улыбнулась ему. – Согласись, милый: для нас, – она сделала ударение на этих словах, – время пролетело особенно быстро, не так ли?

– Одним мгновением, – согласился Давид.

Кое-где на стенах горели светильники. Едва слышно играл патефон. В конце одного из коридоров, который они пересекали, тенью проплыл высокий человек.

– Кто это? – шепотом спросил Давид.

– Ясон. Тот самый, что открывал тебе калитку. Он всегда лично обходит дом.

– Но кто же остался на тех воротах?

– Самые отменные в этом доме слуги, – не без гордости усмехнулась Лейла. – Никто не пройдет мимо них! Собаки Ясона! По ночам они бегают вокруг парка вдоль стального троса – у каждого свой участок. Неужели ты не видел этих чудовищ?

– Слышал, – ответил Давид, вспоминая шорох листвы за оградой, черную тень и звон цепи – металлический шум скольжения.

– Не буду врать – я до смерти боюсь этих тварей! – призналась Лейла. – Но кто-то должен охранять богатства герцогини?

Услышав за спиной дыхание собаки, Давид поспешно обернулся. Огромный, подстриженный подо льва королевский пудель, зарывав, припал на передние лапы и показал

кльки.

– Фу, Герцог, фу! – тихо шикнула на него Лейла. – Иди сюда. Она поймала собаку, несмело завилывшую хвостом, за кучерявое ухо. Подтащила к себе. – Ах, глупый пес, – шепотом промурлыкала Лейла. – Познакомься. Это – Рудольф Валери. Надеюсь, вы подружитесь. Дай лапу. Ну дай же, дай. Не бойтесь, Рудольф, протяните ему руку.

Давид повиновался. Пес был красив и необыкновенно добродушен. Давид гладил собаку, трепал ее за уши, как давнего доброго приятеля.

– Герцогиня обожает его, – сказала Лейла и ласково шлепнула собаку по морде. – Все, Герцог, иди. Иди же. А я провожу нашего нового друга. Фу! Вот приставучий!

Чувствуя новые нотки в голосе девушки, пес насторожился и тотчас припустил по коридору, царапая ноготками паркет там, где ковер уходил из-под его лап.

Они прошли до лестницы, когда Лейла поспешно остановила Давида рукой и приложила палец к губам. По ее требованию они прижались к стене. Со стороны слабо освещенной лестницы показалась женская голова, а затем горб. Кто-то смотрел в темноту коридора.

– Руфь?! – гневно сверкнула глазами Лейла, выходя на свет.

– Госпожа Лейла?! – пятясь, испуганно пролепетала горбунья.

– Она самая, – наступая на нее, вкрадчиво, но с угрозой

ответила Лейла. – Шпионишь за нами?

– Как вы могли подумать, госпожа Лейла? – ответила та, прикладывая все усилия, чтобы разглядеть ее спутника. Но Давид первым успел рассмотреть ее некрасивое лицо – по-добострастное и злое.

– Расскажешь о нас герцогине, пожалеешь, поняла?

– Да, госпожа Лейла, – поклонилась та, глаз не сводя с Давида.

– А теперь пошла прочь. Нет, постой...

– Да, госпожа Лейла?

– Герцогиня в своей опочивальне?

Руфь мелко засмеялась:

– Где же быть еще ее высочеству в этот час?

– Все, теперь пошла. И помни: проболтаешься, никогда больше не получишь от меня сладкого. Иди же.

– Иду, уже иду, госпожа Лейла.

Семена по коридору, горбунья оглянулась, но оглянулась на спутника Лейлы. Ее улыбка и блеск маленьких глаз заставили Давида поежиться.

– А что значит «сладкого»? – спросил он.

– Так, глупости, – отмахнулась Лейла. – Вот ведь, так и ходит по пятам за каждой хорошенькой женщиной в замке, что приводит сюда любовника. Голодная уродка! – Лейла прищурила глаза, опущенные бархатными ресницами. – Но как она смотрела на вас, господин Валери! Заметили?

– И не подумал, – смутился тот.

– Кстати, у нас впереди, я так думаю, еще один визит...

– Кому же мы понадобились под утро?

– Не мы – кто-то нужен нам!

– Да кто же? – увлекаемый по коридорам новой подругой, удивился Давид. И тотчас убедительно прихватил Лейлу за локоть. – Мне нужна только ты!

Скоро они вошли в небольшую залу, и Лейла приложила палец к губам:

– Тсс!

Предрассветный холодный свет окутывал серые глыбы диванов и кресел, буфеты и комоды. На столике одиноко стояла початая бутылка шампанского, один из пары бокалов был перевернут. Давиду показалось, что за следующими дверьми ему слышатся стоны...

Лейла подошла к небольшой живописной пасторали в золоченой раме, словно сейчас, в сумерках, пыталась внимательно рассмотреть полотно, но только бесшумно отодвинула картину. В стене оказался широкий глазок. Прильнув к нему, Лейла улыбнулась. Оторвавшись от глазка, поманила Давида пальцем.

– Это его лучший танец, – тихо проговорила она. – Погляди-ка. Скорее же!

Чувствуя, что совершает что-то особенно низкое, Давид все же подошел к Лейле и приблизил глаз к отверстию в стене. То, что он увидел, заставило его в первый момент в замешательстве отпрянуть. И тут же он поймал на себе насмеш-

ливый взгляд Лейлы. Ее ноздри подрагивали. Давид подавил неловкость, даже брезгливость, и снова приник к глазку. На широкой кровати, в кольце молочно-белых женских ног и таких же белокожих жадных рук, отчаянно, уже в беспорядочных конвульсиях бился мужчина. Длинные и темные ногти женщины в эти мгновения были беспощадными когтями борющегося не на жизнь, а на смерть животного. Приглушенные стоны теперь явились отражением реальных событий. Но эти двое – мужчина и женщина – даже отдаленно не напоминали перышко-балеруна и его величественную поклонницу. Того, кто еще недавно, изящный и легкий, полный высокой музыки, парил над сценой в герцогском парке; и ее, жадно следившую за ним, когда он, увлеченным вихрем стремительной музыки, воспарял все выше – к осенним звездам. Казалось, за этой стеной, в спальне, на широкой роскошной постели эти двое в страшной агонии испускают дух...

Давид оторвался от глазка, чувствуя, как в нем закипает глухое раздражение.

– Хорош танец?.. – Лейла подняла брови. – Тебе он понравился?

Но Давид едва расслышал ее вопрос и совсем не заметил, что Лейла сжала его руку, требуя ответа. На какой-то миг ему почудилось, что он только что, мельком, увидел крушение мира. Эти двое за стеной показались ему низвергнутыми с непреодолимой высоты, летящими в пропасть, чтобы на дне ее вспыхнуть огнем и сгореть заживо. И дело было не в

простом и грубом совокуплении, которое само по себе естественно и подчас необходимо, но в присутствии Лейлы при этом – здесь, в полутемном алькове: в ее изощренном опыте любовной игры, в лукавой улыбке, сладко жалящем прикосновении, в ее вкрадчивом голосе, ненасытном и сластолюбивом сердце, в ее покупающей с потрохами чувственной красоте!..

Стоны, доносившиеся из-за стены, затихали...

Давид поднял глаза на Лейлу.

– Зачем... ты меня привела сюда?

– Не понимаешь? Или не хочешь понять? – Ее глаза сверкнули. – Однажды позволив вкусить от древа, стоящего в середине рая, разумно ли надеяться, что это забудется? Дав познать плоды его – суть чувственной любви, можно ли предположить, что человек однажды откажется от такого подарка? Пусть кто-то решил, что это и есть – падение. – Лейла точно читала его мысли! – Но сколько беспощадной и притягательной силы в этом падении, не правда ли?

Лейла увлекла его из покоев герцогини. Уже в коридоре, разом остановившись, она положила руки ему на плечи:

– Лучше прислушайся к своему сердцу, милый Давид: ты знаешь обо всем, что услышал, не хуже меня. Нам суждено падать от веку и до конца времен. Другого исхода нет и не будет. И не стоит верить болтунам, которые утверждают обратное. – Она провела ладонью по его пылающей щеке. – Даже не вздумай спорить со мной – все равно не поверю!

Пусть он плохо понимал улыбку на губах юной женщины и совсем не понимал ее глаз, в которых сейчас были отблески крадущегося по коридору света, но в оливковой коже ее шеи и плеч еще сохранился запах таявшей ночи, безумных часов, проведенных вместе, и в этой коже был аромат других, еще не пришедших ночей. И вот это волновало его больше всего остального!

Давид обнял ее, но она... мягко отстранилась.

– Идем, – Лейла подтолкнула его к темной лестнице. – Уже поздно.

Они вышли из замка через тот же черный вход еще до восхода солнца.

– Тебе интересно, чем занимаюсь я? – спросил он, пока они уходили по аллее от замка. – Ты ничего не знаешь обо мне.

– Нет, – честно призналась она. И добавила: – Пока нет. Но, возможно, придет время, когда я спрошу тебя об этом.

У домика Ясона, кутаясь в меховую накидку, Лейла вновь приложила ладонь, уже холодную, к его щеке:

– Не ищи меня, Давид. Я сама найду тебя.

2

Следующие пять дней он думал только о Лейле – юной женщине, так поразившей его. На занятиях старик им внушал великие премудрости, отдавал свой ум, душу и сердце,

а мысли его нерадивого ученика, Давида Гедеона, безнадежно путались вокруг недавней любовной интриги, превращая каждый час в пытку! На шестой день им овладело отчаяние, на седьмой он твердо решил забыть о Лейле. Вечером восьмого, поспешно одевшись, Давид вышел из дома с твердым намерением ехать в Жеррадон.

Несчастный влюбленный прошел два квартала, пока сумел поймать фиакр, окна которого были наглухо зашторены. Сказал, куда ему нужно, назвал цену. Возница в дождевике, лица которого он не видел, ответил согласием.

Давид открыл дверцу фиакра и, забравшись внутрь, попал в крошечную темноту. Сиденье было непривычно широким и удобным. Он даже не успел отдернуть занавесь, как его обволокло запахом знакомых духов. Чьи-то ладони коснулись его лица... Пальцы были прохладными и нежными. Никто не касался его век, висков, скул так, как эти пальцы. И аромат знакомых губ, и теплое дыхание возникли так близко, рядом, что он едва не задохнулся...

– Ты, кажется, решил найти меня сам, Давид? – услышал он ее голос. – Ослушался меня, негодный? Как же так?

Он схватил эти руки и, целуя пальцы, ладони, ощутил, как сжимает на одном из запястий женщины тонкий, словно вьюн, обхвативший ветку, браслет.

Фиакр тронулся.

– Тебе нужны только мои руки? – спросил ее голос. – Почему ты не целуешь меня?

Она придвинулась к нему, прильнула всем телом. Но стоило Давиду обнять ее, одетую в шубку, как он тотчас загорелся, вспыхнул. Руки их в этой темноте, лишенной всякого освещения, были не только руками, но и глазами. Он коснулся ее колен и понял, что ноги Лейлы обнажены. Потянулся дальше и выше, но не нащупал ни одного лоскутка материи. Ее бедра, ягодицы, живот – все было доступно ему! Она сама села к нему на колени, тесно обвила руками шею...

Так прошло около часа. Нанятый фиакр, окна которого были наглухо зашторены, продолжал бежать вперед. За окном был город. А тут, гибкая, горячая, Лейла упиралась руками в его плечи. Чулки, браслет и несколько перстней – это была вся ее одежда. Шубку давно отбросили в темноту.

– Ты не боишься, что я заберу все твои силы? – тихо спросил она.

– Боюсь, – ответил он. – Я не знал раньше ни одной женщины, похожей на тебя. Это смешно, но ты и впрямь пугаешь меня. Неужели тебе действительно восемнадцать лет?

– Хочешь сказать, что я выгляжу старше? – лукаво спросила Лейла.

В салоне фиакра, в этой темноте, Давид не видел даже ее силуэта – здесь всем правили обжигающие прикосновения!

– Ты понимаешь, о чем я, – откликнулся он. – Кто твои родители? Откуда ты – такая?..

– Пришло время светской беседы? – хорошо. Только верни мне шубку – не хочу замерзнуть.

Давид нащупал мех и протянул его Лейле.

– Я сирота, – чуть погодя сказала она уже ровным и рассудительным тоном. – Мать свою не знала, слышала только, что она была наполовину мавританкой. Отец – крупный землевладелец. Наше имение, куда теперь мне путь заказан, на юге страны. Я была внебрачным ребенком. Отец, страшный сумасброд, кажется, никогда не любил меня. А после одной истории он просто выгнал меня из дома.

– Ты что-то натворила?

– Так – сущий пустяк! Я помогла своей младшей сестре найти любовь. У нас работал мальчик, конюх. Однажды днем я гуляла с Флер у нашего озера. Был жаркий день. Тишина. Пели птицы, в траве стрекотали насекомые. Провинциальная идиллия! Проходя мимо воды, я увидела, как мальчик купался – совсем нагой. Моя сестренка тоже засмотрелась на него. «Какая тихая вода, – сказала я, – и солнце печет. Не хочешь искупаться, Флер?» Моя сестренка не знала, что мне ответить. «Не бойся, – сказала я, взяла из ее рук белый зонт и бросила его в кусты шиповника. – Я покараулю твою одежду». Она разделась. Подтолкнув ее к берегу, я тихонько крикнула: «Когда вы будете на берегу, схвати этого мальчишку за его поспевающий виноград!» «Какой виноград?» – спросила она... Если бы ты видел, Давид, как они плыли вдвоем по озеру, по тихой, почти прозрачной воде! Им нравилось быть там, вместе. Потом они вышли на берег. Мальчик был такой юный, загорелый, крепкий. Настоящий

маленький мужчина! А Флер – речная нимфа, хрупкая, беленькая, с волосами словно ковыль... Ты знаешь, она сделала то, что я ее попросила. Несмело, но сделала. Потом они тесно прижались друг к другу. Я никогда в жизни не видела ничего более прекрасного, Давид. Это была их первая любовь – на песке, под солнцем, у самой воды. Только кузнечики, ветер в траве и юные, еще несмелые, но уже разбуженные голоса двух родившихся на свет любовников.

– Это – серьезный проступок, – сказал он.

– Ты так думаешь? – усмехнулась она. – Конец истории прост. Бесстыжая девчонка все рассказала отцу, и он, старый дуралей, выгнал меня. – Она притянула Давида за шею, поцеловала. – Ну а теперь, друг мой, мне надо ехать. У меня еще много дел в городе. Никто не может услужить герцогине во всех ее прихотях так, как твоя покорная слуга.

– Но где мы сейчас? – спросил он.

– Там же, где я два часа назад нашла тебя. На бульваре Семи экипажей. Кажется, у меня в руках твой галстук, Давид. А вот и жилет...

Он услышал стук костяшками пальцев в перегородку, отделявшую их от возницы.

Фиакр остановился.

– Я больше не буду оставлять тебя надолго, – сказала она. – Даю слово.

Она оставила его на улице поправлять одежду. И только когда фиакр покатиł свой дорогой, вопросы один за другим

стали жалить Давида. Откуда она знала, что именно сегодня и в этот час он отправится на ее поиски? Как она угадала время, где и когда надо остановиться фиакру? И какие могут быть дела в городе, когда она встретила его совершенно нагой?

3

С каждым днем Давид понимал все яснее, что первые месяцы в доме старика не прошли для него даром. В нем рождалось нечто новое – пока в ощущениях, но так было. Старик рассаживал учеников вокруг себя, на циновки, и говорил: «Всегда буду повторять: в каждом из вас кроется сила, о которой вы пока даже не подозреваете. Но вас отличает от других то, что вы сердцем чувствуете ее в себе. Поэтому вы здесь». Он клал перед собой обычный карандаш, вытягивал руку ладонью вниз, а затем медленно делал ею круг – и вдруг карандаш начинал двигаться за его ладонью и растопыренными пальцами, все быстрее, точно под ним был магнит. «Этот магнит здесь, – словно читая мысли трех молодых людей, старик указывал пальцем на свой изрезанный морщинами лоб. – И в подушечках моих пальцев. Их и соединяет та сила, которую я должен отыскать в каждом из вас. – Он загадочно улыбался. – Не без вашей помощи, конечно. Когда вы поймете суть этого магического тока, пронзающего все ваше тело, а рано или поздно так случится, то и са-

ми играючи сможете управлять хрупким кусочком дерева». Карл Пуливер подмигивал Давиду – тайком он называл Баратрана фокусником, но дух перехватывало у обоих, когда старик горкой рассыпал перед собой с два десятка карандашей и внезапно опускал зависшую над ними ладонь – точно от удара воздуха карандаши стрелами разлетались в стороны. «Вы правы, Карл, это всего лишь фокус, – вновь угадывая мысли ученика, с улыбкой кивал Огастион Баратран. – Игра и баловство. Но для вас оно и станет первым шагом».

В библиотеке старика Давид читал книги, переводы древних рукописей, и приходил к заключению, что способен поверить в тех богов, от имени которых писались великие труды. Эти боги говорили именно о небывалой силе человека, о его способности подниматься до таких высот, откуда не видно ни земли, ни других людей. И Давид, открыв сердце, внимал этим книгам, ведь он никогда не сомневался в своей избранности.

Так может быть, именно ему, Давиду Гедеону, выпадет счастливый билет?

Но даже ради этого будущего он никогда бы не оставил Лейлу. С ней он чувствовал особенную легкость – и совсем иную силу. Давид часто вспоминал один из зимних вечеров в покоях Лейлы. Ее кровать была убрана по-восточному – балдахин, кисти, множество подушек.

Когда они отдыхали от любви, Давид спросил:

– Я совсем не знаю тебя. Скажи мне, что ищешь ты в жиз-

ни? Ведь каждый человек ищет что-то...

Ее пальцы коснулись его руки. Она обернулась к нему, утопив половину лица в собственных волосах.

– Это верно, Давид. Мудрец ищет истину, одержимый – веру, лавочник – золото. Только истина мироздания для человека непостижима, вера способна разочаровать, а золото – уйти как песок сквозь пальцы.

Лейла приподнялась на локте, коснулась пальцами щеки Давида.

– Но есть люди, чей путь – путь избранных. С мечом или пальмовой ветвью, нет для них разницы, идут они к тому трону, где их ждут. Они могут показаться безумцами, но только глупцам и невежам. Они не мудрствуют – их истина для них очевидна, отдавать свою душу в рабство они тоже не желают. И в отличие от черни, которой переполнен мир, им не нужно золота. Власть, купленная за деньги, презрена для них, потому что – мгновенна. Такой власти легко изменить – все решит звон монеты, вес кошелька: золотоискателей на каждом шагу подстерегает предательство! Настоящую же власть невозможно купить: это власть актера, чья игра заставляет рыдать партер и ложи, страдать и разрывать сердца; это власть гениального скрипача, способного своей музыкой, яростной и страстной, заставить слушателя покончить счеты с жизнью; это власть великого полководца, кому под силу красноречивым порывом двинуть в поход сотни тысяч соплеменников, которые без сожаления утопят в

крови соседей. Наконец, это власть пророка. За ним пойдут народы, без оглядки, не думая, что их ждет впереди – плаха или слава. И каждый, старый или юный, будет умолять своего Хозяина позволить отдать за него жизнь. Безраздельная власть над чьей-то душой, над душами миллионов, вот что такое настоящая власть!

Она коснулась губами его губ и век. Эти прикосновения и ее речь наполнили сердце его неведомым ядом – сладким и обжигающим. Давид был целиком открыт перед юной женщиной. Она давала ему во сто крат больше, чем способна была подарить любая другая.

– Но избранным необходима свобода, Давид. Без нее они будут бессильны. А что такое свобода? Это полет! Они ненавидят слова – «добро» и «зло». Они жаждут славы – своей славы! Рабство для них – худшее из зол. И если есть высший трон на этом свете, то он создан для них. Просто почувствуй себя богом – и ты победил!

Лейла уже сидела на кровати – напротив окна было черное облако ее распущенных волос, нагой силуэт.

– Ну так что, Давид Гедеон, придет тебе в голову сказать, что ты – всего лишь чей-то раб? Ни за что не поверю в это! – ответила она за него. – Ты из другой породы! Разве ты никогда не желал вспыхнуть самой яркой звездой на небосклоне Вселенной? Не стремился к этому? Звездой, пылающей и горячее, как сто солнц! Ты из другой породы, – настойчиво повторила она. – Иначе я не была бы с тобой.

Ее слова способны были дать крылья самому робкому, а Давид был смел, отчаянно смел.

– А ты... ты из числа этих людей? – спросил он.

– Я? – Лейла прихватила пальцами копну волос, подняла их кверху и рассыпала по плечам. Затем потянулась к Давиду, коснулась руками его груди; она уже ложилась на него – словно змея устраивалась на горячем камне. – Я могу помочь им, – прошептала она ему на ухо. – Только помочь!

4

Подходил к концу март. Теряя остатки холода, принесенного в город зимой вместе с ледяными дождями, Пальма-Ама расцветала.

Сидя в полупустом кафе недалеко от дома Баратрана, спиной к дверям, Давид увидел ее в зеркальной витрине. Лейла, в широком берете и шубке, шла к его столику, разбивая чуть ниже колен складки подбитого мехом платья.

Она всегда появлялась внезапно и приносила с собой то волнение, от которого у Давида все цепенело внутри. Может быть, виной всему был ее взгляд – темный и глубокий, как отражение полного черной воды колодца? Но иногда, на мгновение, в этом взгляде вспыхивал жалящий, как лезвие ножа, хищный промельк, от которого все внутри обрывалось. Точно был он далеким отголоском непонятной и чужой души этой женщины. Для него, Давида, враждебной и

даже опасной.

– Закажи мне красного вина, – сев напротив и сжав его руку, попросила она.

– Ты никогда не пьешь белого, – подзывая официанта и распорядясь, сказал он. – Почему?

– Пурпур – цвет крови, – ответила она улыбкой. – Мой любимый цвет. Разве ты не понял этого в наш первый день?

Поглядев на ладонь, где еще можно было различить слабый след от укуса – метины страсти, Давид скупно усмехнулся:

– Пожалуй, что да.

Когда бокал Лейлы, забравший толику губной помады с ее губ, был пуст, она встретила взгляд Давида.

– А что, если сегодня я предложу тебе развлечься с особым искусством? Тебя это не испугает?

И, не дождавшись его ответа, встала из-за стола.

Через несколько минут они ехали в северную часть Пальма-Амы, в рабочие кварталы, по адресу, который назвала извозчику Лейла.

Это был старый трехэтажный домишко с обшарпанной парадной лестницей. Они поднялись по ступеням, Лейла постучала. За облезлыми высокими дверями послышался надтреснутый кашель. Им открыла старуха в грязном платье и засаленном фартуке. Старуха обнажила в улыбке пустой рот, кланяясь своим гостям так, словно они были хозяевами это-

го дома. Давид и Лейла вошли в темный сырой коридор, где воняло испорченными овощами.

– Вот вам ключ, милочка, – в полумраке, вкрадчиво, словно причастная к их тайне, хрипло пробормотала хозяйка. – Это самый лучший номер. Второй этаж – прямо от лестницы.

– Шампанское поставишь под дверь, – повелительно проговорила Лейла.

– Будет исполнено, милочка, – показав пустой рот, улыбнулась старуха и засеменила прочь.

– Шампанское – здесь? – спросил Давид. – В притоне, где в подвале гниют морковь и капуста, нам стоит пить винный уксус! Зачем мы здесь?

– Кто знает, какие сюрпризы скрывают такие дома? – ответила вопросом Лейла.

Они вошли в грязную комнату с топчаном в середине, разбитым буфетом и другой нехитрой мебелью, высокой ширмой у дальней стены. В окна падал серый холодный свет.

– И впрямь – лучший номер, – вновь усмехнулся Давид. – Но где же сюрприз?

– Возьми меня, Давид, – тихо проговорила она. – Я так хочу. Только прежде задерни шторы. – Лейла бросила на топчан шубку, легла на нее и, зацепив пальцами платье, потянула его вверх. – Но задерни плотнее – пусть это будет настоящая ночь.

...Он еще тяжело дышал, уткнувшись в горячее плечо

Лейлы, по которому расползлись ее слипшиеся густые волосы, когда она, взяв его лицо в ладони, прошептала:

– Если старуха не обманула, за дверью нас ждет шампанское. Я схожу за ним, – и, ласково отстранив Давида, все еще не желавшего отпускать ее, сползла к краю их ложа.

Он услышал, как она надевала туфли, шла к дверям; серый свет, стоило Давиду обернуться, упал в комнату, очертив нагой женский силуэт; слышал, как, едва закрылась дверь, Лейла возвращалась...

– Вот и шампанское, – неожиданно, у самого уха, прозвучал ее голос, и живота Давида коснулось холодное стекло. – Глупая старуха забыла принести бокалы, но мы обойдемся и без них.

Давид откупорил бутылку, ощутив на кулаке холод убегающей пены, быстро сделал несколько глотков. Шампанское оказалось на редкость хорошим – его едва хватило, чтобы им обоим утолить жажду.

Вновь ее тело было в его руках; сидя на Давиде верхом, она плыла по течению, уже готовому превратиться в бурный поток, наклонялась к нему; волосы Лейлы обволакивали его лицо, липли к губам, мешали ему дышать. Но что-то случилось с Лейлой – танец ее был иным, чем раньше. Ее голос в темноте импульсивно срывался, и Давид, несмотря на близкое освобождение, ловил себя на мысли, что слухом и руками ищет опровержение страшной догадке – ищет и не может найти. Он резко сбросил испуганно закричавшую Лей-

ду, прыгнул с топчана и, в два прыжка оказавшись у окна, отдернул шторы.

Серый свет упал в комнату, высветив убожество и грязь. На постели сидела чужая женщина. Она была молода, хороша собой, смугла и темноброва, с такой же, как у Лейлы, тонкой сильной фигурой. Не сводя с Давида глаз, девушка нерешительно улыбнулась.

– Кто ты? – хрипло спросил он.

– Розана, – ответила та. – Я – цыганка, подруга Лейлы... Мой табор стоит за городом, господин Валери. Где оливковая роща, озеро и три больших кипариса.

Девушка казалась не столько напуганной, сколько обиженной, словно с ней поступили вовсе не так, как она того заслуживала.

– Лейла мне рассказала, господин Валери, как вы недавно пошутили над ней, – словно оправдываясь, продолжала цыганка, – и предложила мне то же самое проделать с вами. Лейла еще сказала, что вы так хороши в постели, что я не пожалею об этой встрече. Она не обманула меня, господин Валери... Я ведь тоже хороша в любви, правда? Лейла весь сегодняшний день провозилась со мной. Сама меня вымыла, сама надушила. Она уехала в моей одежде и оставила мне свою. Лейла сказала, что когда вы обо всем узнаете, то не рассердитесь, но будете довольны. Она сказала, что вы любите новые знакомства...

Юная цыганка улыбнулась ему, но стоило Давиду шагнуть

вперед, как она, испуганно сжавшись, отползла на другой край топчана. Сжав кулаки, Давид стоял уже у самого ложа, где были платья Лейлы, ее шуба. И где сидела незнакомая, испуганная, словно ожидавшая от него удара, женщина.

– Когда же произошла эта подмена? – глядя в черные глаза цыганки, спросил он. – Я же все время слышал голос... твоей подруги.

– Мы обе были здесь. Там, за ширмой, есть дверь. Когда шторы были задернуты, я вошла. Потом, сударь, я ходила за шампанским. А когда вернулась, легла к вам. Лейла все это время была здесь, сударь, говорила с вами... Она сказала мне, что вы будете со мной долго. Но, если вы не хотите, я сейчас же уйду...

Он изловчился и схватил ее за лодыжку, но девушка, оказавшись проворнее, вырвалась. Перепрыгнув через топчан, он поймал ее уже у самой двери – поймал, отбивавшуюся что есть силы, за волосы, с яростью ударив по лицу, швырнул назад – в комнату.

– Кажется, ты не успела получить то, зачем пришла? – подходя к ней, спросил он.

– Я больше не хочу, – замотала она головой. – Лейла сказала, что вы будете ласковы со мной!

– Она соврала тебе – я не буду с тобой ласков!

Давид не хотел этого, но сделал. Злость заменила страсть. Когда он оттолкнул девушку от себя, она, зареванная, с трудом поднялась и пошла к топчану. Уже в дверях, прижимая

шубу, платья и другие тряпки Лейлы к себе, она крикнула:
– Вы сумасшедший, сударь!

Дверь захлопнулась. Давид сидел у стены, положив голову на колени. Холода он не чувствовал. Затхлый запах этой комнаты понемногу становился удушливым, невыносимым. За окном быстро темнело. Встав, он заглянул за ширму – там и впрямь была дверь, но она оказалась заперта на ключ. Лейла даже не дождалась окончания спектакля – просто развернулась и ушла!

Ему казалось, что он способен убить. Один раз промелькнув в голове, эта мысль неотвязно преследовала его всю дорогу, пока он возвращался из трущоб.

...В эту ночь Давид проснулся от удушья – он очнулся, когда уже сидел на постели. Сердце выпрыгивало из груди. Этот сон вернулся. Рельсы до горизонта – впереди и за спиной. Но теперь его догонял не паровоз, как в далеком детстве, который он увидел в синематографе. Вырастая из крохотной точки, за ним бежал зверь – черный, как смоль.

5

Через день Давид получил письмо – оно было от Лейлы. В конверте оказался пахнущий духами листок розовой бумаги, сложенный вдвое. Бисерным, необыкновенно ровным почерком, которому мог позавидовать самый искусный кал-

лиграф, там значилось следующее:

«Милый Давид!

Прости меня за этот розыгрыш. Хотя, мне кажется, шутка удалась. Я разочарована только одним: ты надругался над моей маленькой Розаной. Бедная девочка думала, что ей уже не остаться в живых... Конечно, твой поступок отвратителен и оправдание ему найти трудно, но... я прощаю тебя. Даже больше того: я с удовольствием приглашаю тебя сегодня вечером в Жеррадон – на ужин. Будут твои любимые блюда: жареные перепела, яблочный пирог с запеченной корочкой из сливок, взбитых с вишневым соком, старое-престарое вино, лучшее, какое только есть в погребах герцогини, и, конечно... Я. Если тебе нравится это меню, жду тебя в десять у домика Ясона.

Лейла.

P.S. И не вздумайте дуться на меня, любезный г-н Валери».

«Что ж, – почти злорадно думал он, сворачивая листок розовой бумаги, – сегодня ты будешь ужинать одна. И завтра. И послезавтра. С кем-нибудь – другое дело. Но не с “любезным господином Валери”!

Но еще часа через два, когда за окном быстро стемнело, а часы в гостиной, заклокотав сотнями серебряных колокольцев, пробили девять, Давид стал спешно одеваться. Ловя свой взгляд в зеркале, он готов был сжечь свою одежду, чтобы ему не в чем было идти, он презирал себя, но чувствовал,

что не может поступить по-другому.

Да и что она совершила такого, чтобы отказываться от нее? – наконец решил Давид, завязывая галстук и разглядывая в зеркале свое бледное нервное лицо. – Подарила ему еще одну красотку, только и всего! Не со старой же ведьмой, что содержала тот притон, она заставила его разделить ложе!»

Зарычав, он едва не разорвал черный шнурок на своей шее, а вместе с ним и накладной накрахмаленный воротничок.

Проходя мимо открытых дверей гостиной, он увидел Огастина Баратрана во фраке. Старик смотрел в окно. На краю комода лежал цилиндр, рядом была приставлена трость. «Куда он собрался на ночь глядя?» – подумал Давид. Эти часы старик неизменно проводил в библиотеке, и его никто не смел побеспокоить.

Стараясь ступать неслышно, Давид сделал несколько шагов по коридору, когда его окликнули:

– Господин Гедеон...

Давид обернулся – старик впервые назвал его так. Он вернулся к открытой двери.

– Как вы догадались, кто крадется мимо вас по коридору? – полушутя спросил Давид.

Но Баратран, кажется, даже не расслышал его тона – или не захотел этого сделать.

– Искусство воплощения – пик творческого состояния ду-

ши, – я вам не раз повторял об этом, – проявление всех ее качеств. – Старик по-прежнему стоял спиной к ученику и смотрел в окно, на Бульвар Семи экипажей, где сгушались сумерки. – И потому исключает, или почти исключает, ложь. В этом есть абсолютная правда «искусства воплощения» и главная его опасность. Если душа порочна, образ ваш, независимо от вашего желания будет обладать ее качествами. Но ведь это уже не мысль. Ваш образ обладает материальной силой и способностью двигаться в пространстве. Опасный дар, любезный Давид, не так ли?.. Вы отправляетесь на одну из своих ночных прогулок?

Огастион Баратран повернулся, и Давид ясно увидел, что в глазах старика кроется тревога, но эта тревога никак не связана с ним.

– Что ж, в добрый путь, – кивнул Баратран. – В добрый путь...

...Минутой позже Давид выбрался из дому. Когда он въезжал в пригород, уже совсем стемнело...

– Ты заставляешь себя ждать...

Он оглянулся. Кутаясь в шубу, Лейла выходила из-за домика Ясона.

– Здравствуй, милый Давид, – нежно улыбнулась она и подошла к нему почти вплотную. Лейла положила руки в перчатках на его воротник, но он успел заметить, что все ее пальцы вновь были перехвачены перстнями. – Да ты язык

проглотил? – В голосе ее звучала легкая укоризна. – Я же просила тебя не дуться.

Давид с трудом подавил яростное желание влечь ей щечину.

Они шли по аллее к замку – вдоль темного голого леса, с обеих сторон обступившего узкую дорожку.

Вдруг Лейла остановилась.

– Ну хорошо, прости меня. Я не думала, что ты отнесешься к этому так серьезно. – Она схватила его за рукав пальто. – Прости же меня, слышишь?

Он не знал – верить ей или нет. Он готов был уступить, но ее глаза... Ему казалось, что они снова смеются над ним.

– Мне холодно, Давид, – сказала она. – Идем скорее. Ужин остынет...

Но, так и не тронувшись с места, она обвила его шею руками и уже целовала его – горячо, призывно, в губы.

– Не будь же каменным, – шептала она, – даже если я заслужила это.

...Они любили друг друга на дорожке, слабо освещенной редкими фонарями. Они кружились на ней, сцепившись: она – обхватив его шею руками, стиснув его коленями, задрала голову к темному небу; и он – держа Лейлу как легкое перо, черное, смоляное, крепко стиснув ее бедра, давно захлебнувшись в запахе ее кожи и волос. Пьяный от этой близости, он видел только, как темный голый лес и мокрая аллея плывут перед его глазами...

...Ужин подходил к концу. Давид был неразговорчив, зато много пил в этот вечер – и в этом немалую роль сыграла Лейла, щедро подливая ему вино.

– Помнишь, в первую нашу ночь, на рассвете, ты спросил меня, не хочешь ли узнать, чем я занимаюсь? – Лейла не сводила с него глаз. – И я ответила тебе: нет, но придет время, и я сама спрошу об этом. Помнишь?

Давид кивнул.

– Так чем же? Чем ты занимаешься в доме Огастиона Баратрана?

– Откуда тебе известно это имя? – спросил он.

Лейла пожала плечами:

– Известно, и все. Так что же ты делаешь в доме этого таинственного человека, о котором давно ползут по городу разные слухи? И еще какие!

– Что же это за слухи? – насторожился Давид.

Лейла промокнула салфеткой губы, бросила ее на стол.

– Например, что в его доме живет огненное чудовище. Которое он же сам и породил. – Откинувшись на спинку стула, она рассмеялась. – Так это правда, Давид? Правда?

– Правда, – с вызовом ответил он.

Она сощурила свои темные, густо вычерченные ресницами глаза, с внезапной догадкой покачала головой:

– Ты ведь тоже хочешь взрастить в своем сердце кого-то, тебе еще самому неведомого? Да? Поэтому ты живешь там

и дорожишь этим домом? Давид? Ответь мне. И ты многое отдал бы, чтобы так и продолжалось? Потому что поверил своему старику. И поверил себе. В себя... Это так?

Давид поднял на нее тяжелый взгляд.

– Станцуй для меня, – попросил он.

Чувствуя, что перестарался с вином, он еще сильнее путался в догадках. Откуда она столько знает, и зачем эти вопросы – именно сегодня, сейчас? Но не все ли равно! Ему хотелось одного: не перебранки с Лейлой, не ее тайн и секретов, которые не кончаются, будь они прокляты, а ее близости, любви, давно ставшей для него болезнью!

Именно теперь и сейчас – только и всего!..

– Станцевать? Но у меня нет ни змеи, ни мальчишки с флейтой, – подняв брови, улыбнулась Лейла.

– Я прошу – станцуй.

– Но вначале я переоденусь, – сказала она. Лейла подошла к портъере и, уже взявшись за край темного бархата рукой, обернулась: – Это будет танец одной древней богини. Какой из них – ты догадаешься сам!

Из-за ширмы она вышла совершенно нагой. Змеевидные черные локоны сползали от ее ушей, в которых были тонкие золотые кольца, на плечи; локоны доходили почти до груди – острой, торчавшей чуть в стороны.

В руках Лейла держала красный платок.

– Этот ковер будет моей сценой, – сказала она, затушив первую свечу.

Нет, он не мог привыкнуть к красоте ее тела! Каждое движение Лейлы возбуждало Давида. Когда она шла к нему по ковру, когда ловко ускользала от его рук, задувая одну за другой свечи.

– Не сейчас, – говорила она. – Ты сам просил меня станцевать. Теперь – наслаждайся!

Когда в комнате стало темно и только тяжелая бордовая тень от последней свечи ожила на стенах, Лейла вышла на середину ковра. В ее пальцах был зажат огненно-красный лоскут материи.

Давид знал, что это будет за танец. Он знал, что увидит богиню любви. Но с каждой минутой он все сильнее убеждался, что ошибается. Тонкая, сильная фигура Лейлы, сразу отыскав особый, едва уловимый ритм, то порывисто двигалась на своей мягкой сцене, то становилась медлительной и томной; но как она ни поворачивалась к Давиду, ее лицо было закрыто огненным лоскутом, который всякий раз так неожиданно вспыхивал, растягиваясь в ее руках, становясь похожим на ширму; и если даже Давид случайно видел уголок рта, краешек носа или уха танцевавшей на ковре женщины, ее лоб, изгиб бровей, он никак не мог уловить одного – ее глаз! Только один раз он увидел лицо танцовщицы – в зеркале, когда она проплывала, обращенная к нему спиной. Увидел его без платка. Но крепкое вино сыграло с ним свою злую шутку – это была не Лейла! Из зеркала на Давида взглянула чужая женщина – белокожая, без кровинки в лице, с

кривым изломом бровей, горящими темными глазами, ястребиным носом, тонкой складкой насмешливо сжатых губ. Но как быстро возникло видение, так же быстро исчезло.

Танец закончился неожиданно – Лейла остановилась у самой портьеры. Взявшись за край полога, обернулась:

– Ты доволен?

Она выглядела серьезной, но темные глаза ее как всегда смеялись. Не дождавшись ответа, Лейла скрылась за портьерой. Он видел, как бедра ее касались плотного бархата там, где была золотая шнуровка, стягивающая два полога.

Покачнувшись, Давид поднялся со стула.

– Ты узнал ее танец? – спросила Лейла, когда тупой столовый нож в его руке рассек золотой шнур.

– Нет, – отбросив нож, ответил он и потащил оба полога в стороны.

– Какой же ты недогадливый, – с усмешкой откликнулась Лейла. Его руки уже касались женских бедер. – Ее зовут Ата. Ата, Давид. Ну же, что ты медлишь!

Он грубо притянул ее за бедра. Но теперь в его руках извивалась не женщина-змея, чье тело упруго и горячо, но нечто иное, чего он распознал не сразу: это была улитка – скользкая и непослушная! Несмотря на все желание отдать себя, она все время пыталась увернуться, скрыть что-то. И когда Давид укротил ее, сделал послушной, своей, когда она сдавленно закричала, рука его сама потянулась к лопаткам Лейлы. Захмелевший, он не сразу понял, что пальцы его взби-

раются по безобразному холму. Отпрянув, Давид задохнулся от ненависти и омерзения. Это была горбунья! Руфь! И тотчас он услышал отвратительный и злой смех.

«Ата, – вдруг зазвенело в его голове. – Я знаю, кто ты: богиня лжи и обмана!»

Давид рванул на себя портьеру, и тяжелая деревянная гардина, как меч гильотины, обрушилась на него с потолка – он едва успел отскочить в сторону. За портьерой никого не было – лишь узкая приоткрытая дверь. Но в отличие от двери в убогом домишке на окраинах Пальма-Амы, где он уже был обманут, эта дверь точно приглашала его войти...

Давид отворил дверь и перешагнул порог – играть так играть! Его встретила крошечная шестиугольная комната с шестью дверями. Одна из них и вела в покои Лейлы. На каждом простенке тут горели светильники. Давид направился к первой из дверей и распахнул ее...

Ему открывались пустые коридоры, похожие на тоннели, с картинами и светильниками, устланные коврами дорожками; полутемные залы. В одном из зеркал он поймал свой взгляд – его легко могли принять за помешанного и вызвать полицию.

Где-то внизу заливалась лаем собака – как пить дать, Герцог!

Поостыв, стараясь шагать бесшумно, Давид прокрался в каминный зал – небольшой, слабо освещенный, с теплым дыханием медленно угасающих за витой чугунной решеткой

углей.

Впереди были две портьеры, уходящие под потолок залы. За ними горел яркий свет, прожигавший узкое пространство между полотнищами.

Приблизившись, Давид заглянул в узкий просвет. Это была библиотека. У круглого столика с кривыми резными ножками, в широком ореховом полукресле сидела белокурая женщина в домашнем платье. Герцогиня! Она держала на коленях открытую книгу, но взгляд ее был устремлен на двери, точно она кого-то ждала.

К Давиду наконец-таки вернулся рассудок и он решил дать задний ход, но его остановил стук. Книга с хлопком закрылась.

– Войдите! – громко сказала Равенна Руоль.

И почти тотчас Давид услышал приглушенный ответ:

– Здравствуй, Равенна.

Но лучше бы Давид не слышал этого голоса!

– Здравствуй, – ответила герцогиня.

Шаги гостя все четче раздавались на поскрипывающих шашках паркета. Давид вновь прильнул глазом к золотой щелке в портьерах – руку герцогине целовал Огастион Баратран.

– Спасибо, что не забываешь этот день, – сказала она и указала ему на второе кресло. – Восхищаюсь тобой! Наверное, я стану старухой, сгорблюсь, а ты по-прежнему будешь стройным, как юноша! – Герцогиня встала и уплыла в сто-

рону. – Что будешь пить? Как всегда – херес?

– Как всегда, – ответил старик.

Низко звякнули бокалы.

– А я выпью коньяка, – сказала герцогиня. – Она вернулась с подносом, где были вино и фрукты. – Каждый раз ты делаешь из меня прислугу, – добродушно усмехнулась она.

– Скажи мне, – когда они выпили, спросила Равенна Руоль, – ты любил мою мать? Мне так она говорила, что ты ненавидел ее. Это правда?

«Вот оно что, – затаив дыхание у портьера, думал Давид, – вот она связь!»

– Любить и ненавидеть одного человека очень просто, – сказал старик. – Впрочем, я знал это и до знакомства с твоей матерью.

– Ты до сих пор так никого и не нашел себе? – сделав глоток коньяка, спросила герцогиня и достала из вазы крупную синюю виноградину. – Прости, если я задаю бестактные вопросы.

– Во-первых, я уже старый человек. А во-вторых, моя работа отнимает у меня слишком много времени и сил, чтобы я мог связать себя с женщиной.

Герцогиня опустила глаза.

– Твоя работа, – снисходительно произнесла она, но в голосе ее прозвучал оттенок раздражения. – Мама часто рассказывала о тебе Бог знает что. Самые невероятные вещи. Например, что ты – колдун!

Старик улыбнулся:

– Что ж, наверное, твоей матери было виднее.

– Нет, не смейся, пожалуйста, – серьезно возразила герцогиня. – Полжизни ты бродяжничал по Востоку. Твоя мать и отец умерли, пока ты странствовал в свое удовольствие. Если верить слухам, то ли в Индии, то ли в Китае ты был чуть ли не шаманом! И вот теперь, уже полвека, ты живешь со своими тайнами! А это объявление в газетах? Белая магия, воплощение в пространстве! Словно мы живем в Средневековье! Кажется, ты и меня хотел привлечь к своему «искусству», когда я была еще девчонкой? Смешно. Я раньше не решалась говорить с тобой об этом, но тебя в нашем кругу многие считают сумасшедшим. – Она раздраженно повела плечами. – Но, знаешь ли, ты и впрямь чудак!

– Мне безразлично, что говорят обо мне твои друзья, эти павлины и невежи. Я хотел поговорить в этот день о тебе, Равенна. Понятно, все думают, что ты – дочь герцога Руоля. О том, кто твой настоящий отец, ты узнала девочкой-подростком из писем, в которые тебе не следовало лезть. Когда ты подрастала, наши отношения с твоей матерью разладились, я годами не видел тебя. А ведь я просил твою мать помочь нам сблизиться! Я мог бы научить тебя великим чудесам!

– Прошу тебя, отец...

– Но ведь еще не поздно, Равенна! У меня пока есть силы. Ты – мой единственный ребенок, и ты молода. Я бы подарил тебе весь мир! Мне больно смотреть, как ты бесцельно про-

жигашь жизнь, невольно подражая своей матери!

– Прекрати! – оборвала она его. – Тебе не нравится, что я живу шумно и весело? – с заметным вызовом в голосе спросила она. – Устраиваю балы? Маскарады? Что я окружена друзьями? Павлинами и невежами, как ты их только что назвал. – Тень пробежала по ее лицу. – Что тебе не нравится, отец? Если ты живешь затворником, это не значит, что так должна жить и я. Или нет?

Старик молчал. Неожиданно герцогиня вспыхнула:

– А если ты веришь слухам, то мне нет до этого дела! – в глазах ее сверкнул неприкрытый гнев. – И даже если что-то из этих слухов правда – я не желаю оправдываться перед тобой! Да, мне нравится, когда вокруг меня много мужчин и много любви. И я не вижу в этом ничего дурного. Об этом мечтают все женщины, только не у всех это получается так, как у меня. У одних нет красоты, у других – денег. Любой дурнушке и нищенке, получи она все это разом, я бы и в подметки не сгодилась. А женщина, которая не желает быть безумной, страстной – неизлечимо больна. И когда перезревшая уродина, у которой нет денег, чтобы купить себе любовника, проповедует целомудрие и скромность, я – смеюсь! Да, смеюсь, господин Баратран. Потому что я знаю, как она сгорает от злобы и похоти, когда видит красивых молодцов, которые гуляют по улицам с хорошенькими женщинами; молодцов, для которых она – не больше, чем набитое соломой пугало. И я знаю, как она ненавидит всех смазливых

девчонок! Она готова выжигать им лицо железом – для нее это будет лучшее удовольствие!

Герцогиня выпила залпом остатки коньяка, громко поставила бокал на место. Старик был бледен.

– Я хорошо знаю, что правит этим миром, – с явным превосходством над собеседником заключила она. – И сторицей плачу за все, что получаю!

Давид вздрогнул от прикосновения к щиколотке. Подняв морду, наклонив голову набок, на него смотрел Герцог. Розовый язык, клыки. И тогда Давид обернулся...

В двух шагах от него стояла Лейла. Она была по-прежнему нагой, за исключением наброшенной на плечи накидки из горносталя, стянутой шнурком на шее. Но это была не единственная новая деталь в ее туалете – на цепочке между торчащих грудей Лейлы висел шестидюймовый крест.

Держа Герцога на длинном поводке, Лейла улыбнулась собаке и прижала палец к губам:

– Тсс! – И тут же, кивнув на портьеры, прошептала любовнику: – В доме этого человека ты живешь?

Давид утвердительно кивнул.

– Он твой бесценный учитель, да?

– Да, – еле слышно сказал Давид.

– И ты, конечно, не желаешь, чтобы он узнал о том, где сейчас его самый способный ученик Давид Гедеон? Ведь увидев его в покоях своей распутной дочери, с голой служанкой, он не простит такого? Так?

– Что тебе нужно?

Не выпуская поводка, ухватив крест на шее обеими руками, она разорвала его на две части, превратив в ножны и кинжал. Ножны остались висеть на цепочке, тонкое жало остро сверкнуло в луче падавшего из-за портьера света.

Давид отступил, но Лейла миролюбиво протянула ему кинжал.

– Возьми, – тихо сказала она.

Давид медлил, но она сама вложила оружие в его руки.

– Зачем он мне? – прошептал Давид.

Лейла улыбнулась:

– Убей этого пса.

Давид посмотрел в ее глаза – там не было ничего, кроме хищной усмешки и холодной пустоты.

– Убей этого пса, – шепотом повторила Лейла. – Или я закричу. Ведь этот человек прогонит тебя, найди он своего ученика в такой компании, можешь не сомневаться!

Давид оглянулся на двери.

– Они закрыты, – сказала Лейла. – А ключ – может быть, в камине?

Приглушенные голоса за портьерами вдруг смолкли. После короткой паузы Баратран сказал: «Твой дом похож на могилу так же, как был похож на могилу дом твоей восхитительной предшественницы!». «Да как ты смеешь? – за портьерами с шумом отодвинулся стул. – Я не желаю слышать ничего дурного о своей матери!». «Но это правда, – не хо-

тел сдаваться старик. – Чуда не свершилось: и ты – ее тень». За портьерами вновь воцарилось молчание, затем герцогиня сказала: «Уходи».

– Действуй быстрее, – в глазах Лейлы блеснул огонь. – Ну же?! Только зажми Герцогу пасть, иначе здесь будет много визга. И бей в сердце, Давид. Торопись.

– Я не могу этого сделать, – он потянулся к ее руке. – Прощу тебя...

Прикусив язык передними зубами, пес поднял голову, не сводя с них любопытных глаз.

– Не бойся, Давид, это просто собака, – снова улыбнулась Лейла. – Она даже не поймет, что с ней происходит...

В библиотеке возникло движение, и Лейла шагнула к портьеру.

– Но твоё время вышло!

Сильным движением она стряхнула его руку. Пальцы Лейлы стремительно потянулись к бархатной занавеси – Огастин-он Баратран и Равенна Руоль все еще говорили. Давид нагнулся, схватил Герцога так, чтобы тот не смог разжать челюсти, и опрокинув его на бок, всадил лезвие кинжала по самую рукоять туда, где у собаки было сердце. Глаза Герцога потускнели. Давид крепко держал его морду, пока тело пса и его лапы бились в судороге. Затем Давид услышал из-за портьера голос старика: «Ты права, мы видимся в последний раз. Прощай».

– Видишь, Давид, как все просто, – проговорила Лейла. –

Этот маленький негодяй вчера укусил меня. Ты отомстил за свою даму.

– Я хочу уйти, – сказал Давид.

Лейла миролюбиво пожала плечами:

– Дверь открыта, уходи.

Пес лежал рядом с портьерой. Луч света из библиотеки, пересекая львиный хвост и гриву, отражался в темной, расползающейся по паркету луже.

Не оборачиваясь, Давид выскользнул в коридор. Он уже не слышал, как в комнате за портьерами негромко хлопнула дверь – это одновременно с ним уходил и Огастион Баратран. Только чудом их пути не пересеклись! И все же его бросило в дрожь – уже у самого выхода, когда хруст живой плоти – страшным воспоминанием! – вновь резанул слух. Но теперь, прижавшись спиной к дверям черного входа, он вдруг осознал, что не сам сделал это. Не его рука убила несчастного пса. Он, Давид Гедеон, не способен был совершить такое! Но кто же тогда был этим убийцей? Выдуманный юной и коварной женщиной Рудольф Валери?

Или кто-то другой, о ком он еще не ведал?

Холодный мартовский ветер отрезвил Давида – пальто его осталось в комнате Лейлы. Давид оглянулся на замок. С раскидистыми флигелями, он стоял в ночи, среди спящего парка, почти что черный, с мертвыми окнами. «Бежать, – подумал он, – бежать! Старик был прав: этот дом похож на склеп, на каменную могилу. Но кто же тогда те, кто обитает за эти-

ми стенами?»

Где-то неподалеку низко и протяжно завывала собака – верно, одна из спутниц Ясона. Легкая дрожь заставила Давида торопиться: как можно скорее он зашагал по аллее, ведущей к северным воротам владений герцогов Руолей...

Домой он добрался только на рассвете – продрогший до костей. Он крался по коридорам дома Баратрана точно вор, когда знакомый и ненавистный шум настиг его, и острое крыло зацепило одеревеневшую от холода щеку. Давид отчаянно и зло замахал руками, пытаясь поймать черную птицу, но так он лишь боролся с темнотой! Кербер оказался проворнее – стрелой он пролетел мимо него и утонул во мраке коридора.

– Будь ты проклят! – прохрипел Давид. – Дождешься я тебя, дождешься...

Ему ли было не знать, как эта чертова птица каждый раз встречала его после очередной затянувшейся прогулки – точно караулила его, подсматривала за ним, ждала от него новых приключений...

6

«Воздух бесплотен и прозрачен, скажет самый обычный человек, – вспоминал Давид, как говорил им на одном из первых занятий Огастион Баратран. – Мы видим только предметы и совсем не замечаем того, что пролегает меж-

ду нами и что мы именуем эфиром. – Старик вставал, тянул на себя штору, и яркий осенний луч простреливал комнату. – Мы способны увидеть воздух лишь тогда, когда он, полный солнечного света, пропускает через себя мириады пылинок. – Ученики шурились, разглядывая широкий луч, подходивший к их ногам. – Но мне придется убедить вас в обратном, – продолжал Баратран. – Не научившись строить перед собой стену, видеть и чувствовать воздух плотным и материальным, как реальную преграду – на любом расстоянии от себя, – будет практически невозможно собрать вашу энергию в один пучок, суметь не рассеять ее, не потерять. Как художнику необходим холст, чтобы накладывать на него краски, так и вам необходимо то воздушное полотно, куда вы сможете вынести свое творение, самих себя...»

И вот прошли месяцы, во время которых Давид усвоил, что должно происходить с ним, что он должен чувствовать – сердцем и умом одновременно. И однажды он стал выстраивать эту стену по кусочкам, крохотным осколкам, связывая их друг с другом. Его стена то и дело рассыпалась, но только вначале. Умение сконцентрировать себя на одной идее помогло ему. На одном из занятий мозаика стала складываться иначе – осколки спаивались намертво. Давид смотрел вперед и видел незримую и прочную преграду. Она была размером со среднее живописное полотно и толщиной в два пальца, не более того, но он явственно ощущал в пространстве эту стену!

– А теперь откройте все энергетические каналы, Давид, освободите все пути для всей вашей энергии, – за его спиной взволнованно говорил Баратран, говорил так, точно требовал от него немедленно совершить подвиг. Или чудо? – Вы уже знаете, как это делать, так делайте же!

Но разве иначе, как чудом, можно было назвать то, что с ним сейчас происходило? Давид ощущал во всем теле небывалую теплоту. Одновременно с рождением стены, которая так и осталась в пространстве, горячая волна закипала в груди Давида и поднималась выше. Карл Пуливер и Вилий Леж, затаив дыхание, с трепетом смотрели на товарища. А долговязый циркач смотрел еще и с восторгом – он искренне болел за друга! Но когда жар оказался нестерпим, Давиду стало страшно, потому что происходившее с ним – происходило впервые!..

– Не смейте отступить! – точно чувствуя его испуг, продолжал настаивать старик. – Я знаю, что происходит с вами! Этого я и добивался от вас! Ну же, Давид, попробуйте, боритесь!..

Учитель уже давно обошел его – он стоял в двух шагах от той стены, которую с таким трудом, но и с таким упоением нарисовал для себя Давид.

– Давайте же! – потребовал старик. – Давайте!

Давид запомнил лишь одно, как что-то обожгло его внутри, а потом наступило освобождение – часть его естества ушла в ту самую преграду, им же созданную. Старик все по-

нял, он шагнул вперед и, сразу уловив направление взгляда Давида, выставил вперед руку с растопыренными пальцами и двинул ее по направлению к ученику.

– О Господи, – неожиданно прошептал старик, остановив руку. – Получилось, Давид, у тебя получилось! – Его лицо расцветало все больше. – Господи, как горячо!..

Прошли минуты. Давид лежал на циновке, глядя в потолок залы. Его голова кружилась, немного поташнивало. Над ним склонили головы старик и Пуль. Вилий Леж остался в стороне – увы, капризный художник был ревнив к чужим удачам. Карл Пуливер улыбался. Старик торжествовал.

– Ничего, – успокоил уставшего и опустошенного ученика Огастион Баратран. – Это пройдет. Пройдет. – Он положил руку на грудь Давида, потрепал его. – Однажды я научу вас брать энергию отовсюду и держать ее в себе столько, что хватило бы на целый армейский дивизион. А то и на целую армию!

Все это случилось незадолго до того, как Давид видел танец богини обмана. Потом все изменилось. Перевернулось у него внутри. Он понимал, что нельзя предаваться унынию, отчаянию от случившегося, но никак не мог с собой справиться. Огастион Баратран и прежде уже не раз предупреждал его – быть внимательнее, слушать каждое его слово. Теперь же он слушал его, но не слышал вовсе. Иначе бы, прервавшись, старик не встал с циновки, и лицо его не приняло решительное выражение.

– Да что с вами, Давид?! – резко спросил он. – Вы живы или нет? Вы же не слышите меня. Не слышите ничего! Может быть, вы больны?

– Я здоров, господин Баратран, – подняв на старика глаза, ответил ученик.

– Отлично, – кивнул Баратран. – После обеда жду вас в своем кабинете. Не забудьте, пожалуйста. Очень возможно, что нам придется говорить о вещах куда более важных, чем вы можете себе представить. А теперь – продолжим...

Вечером, запершись в своей комнате, Давид курил. Теперь он знал наверняка, что способен убить. Больше того – он почти желал этого!

Но когда? Где?

Сумерки вливали в Пальма-Аму. В окнах домов напротив зажигались огни. Раздавлив окурок в пепельнице, Давид недолго мерил комнату шагами, затем остановился у комода, открыл верхний ящик. Здесь, среди галстуков, баночек с гримом и булавок, жабо и прочим ненужным театральным хламом, оставшимся после его актерской карьеры в «Карусели», в самом дальнем углу появился новый и необычный для него предмет в плюшевой тряпице. Запустив руку поглубже, он вытащил его и... осторожно распеленал. На его ладони лежал револьвер – притягательная и страшная штука! В том же ящике хранилась и коробка с патронами. Все это Давид купил у одного часового мастера – на следующей день после

той ночи. Так он чувствовал себя увереннее. Защищенное. Смелее. Закутав оружие, Давид отправил его на место и потянулся еще за одной папиросой.

Сегодня после обеда, в своем кабинете, старик сказал, что выгонит его. Выгонит, несмотря на то, что он, Давид Геддон, самый способный его ученик. Ему не нужны рассеянные бродяги, чья голова забита ночными прогулками и романами! И глядя в глаза Баратрана, Давид понял, что учитель сдержит слово.

Но и он, Давид, не сможет успокоиться, стать самим собой, пока она рядом. Он не сможет заставить себя забыть обо всем, отречься от собственной памяти. Пока эта женщина жива – она стоит на его пути. И будет стоять. Незримо. Неслышно. Ночью и днем. В тени его собственных страхов. Стоять за его спиной и смеяться над ним.

Глава 4

Фрейлина герцогини

1

– Я давно хотел рассказать, как попал к вам, господин Баратран, – входя в кабинет хозяина дома, с самого порога начал Давид, – но прежде не решался этого сделать. – Он пожал плечами. – Побоялся, что это может помешать моему делу. А я в те дни дошел до ручки – это правда. Но теперь, думаю, самое время...

Сидевший в глубоком кресле, старик отложил книгу, указал рукой на диван.

– Так вот, господин Баратран, – усаживаясь напротив, продолжал ученик, – газета с вашим объявлением попала в мои руки не совсем обычным способом...

И Давид рассказал учителю о странном человеке, прятавшем револьвер и кинжал, и в конце концов погибшем под колесами омнибуса, не забыв упомянуть и о газете, где был отмечен адрес Огастиона Баратрана.

– Я уже говорил, что через мой дом за этот месяц прошла целая армия всякого сброда, – пожал плечами старик, – и нет ничего странного, если у кого-то был с собой револьвер и нож. Вам стоило рассказать обо всем сразу. Впрочем, бла-

годарю вас, Давид. Это происшествие никак не отразится на моих симпатиях к вам.

Помедлив, Давид поднялся с дивана.

– Наверное, вы правы. – Уже в дверях он обернулся. – Забыл упомянуть об одной детали... Этот человек был черен лицом. Араб или... – Давид недоуменно пожал плечами. – Не знаю.

Теперь старик не сводил глаз с верхней пуговицы его рубашки:

– Араб или?..

Прошло несколько мгновений, и старик стал так бледен, словно собирался вот-вот испустить дух.

– Его лицо до сих пор стоит у меня перед глазами, – пробормотал Давид. – Но... что с вами?

– Нет, ничего... Ничего. Ступайте, Давид, ступайте.

Но стоило ученику закрыть за собой дверь, как Огастион Баратран решительно встал с кресла, но так и застыл на месте, точно не знал, как ему быть дальше. Его взгляд бегал по углам кабинета. И только взяв себя в руки, старик подошел к окну. Оперся рукой о раму, высоко поднял голову...

Его белая рубашка пылала, залитая весенним солнцем. Сверкал на безымянном пальце правой руки серебряный перстень с черным агатом и причудливым золотым драконом в центре. Вдруг тело старика напряглось, словно его охватила судорога, но так продолжалось лишь несколько мгновений. Теперь только веки Огастиона Баратрана подрагивали,

точно глазные яблоки его не находили себе покоя...

...Очертания Пальма-Амы и весеннего неба потеряли для хозяина дома четкость линий, стали таять. Все поплыло, словно краски на акварельном рисунке, нечаянно залитом водой, и стало являться другое. Воздух наполнился жаром, стал раскаленным; высокое зернышко – солнце – готово было испепелить все, что было внизу; песок, застывший волнами, простирался во все стороны до самого горизонта... Медленно, раскачиваясь, шел караван: он был длинный и широкий, как река. Затем пришла ночь. У костра – под звездным небом – сидели трое. Один из них поднял голову. Сверкнули в блеске пламени черные глаза индуса – глаза волка, открылась рассеченная надвое нижняя губа. Лицо это было страшным и беспощадным. Затем явился огромный восточный город, через который плыли узкоглазые и луноликие люди. Среди рощ и лимонных деревьев, среди субурганов, которым не было числа, возник дворец-крепость Потала – огромный, как скала, сам похожий на город, крыши которого сверкали серебром на солнце. Затем были горы, и узкая тропа вела через них. Сверху по каменистому склону спускались люди – это были враги. Черный туман окутал все, а когда он рассеялся, за ним, на фоне ослепительного диска солнца, явился всадник... Потом, у входа в пещеру, стояла девочка-индуска в сари. Ее темные неподвижные глаза смотрели на него. И это видение исчезло, и на смену ему пришло другое: в комнате дворца, высеченного в скале, из тени, в

свет пылавшего в каменной чаше огня, к ним выходил старик: седобородый, поджарый словно юноша, в длинной белой одежде. Он стоял, высоко подняв голову, точно изваяние, и слушал, а затем сорвал со своего пальца перстень – черный агат с золотым драконом в серебре; старик уже хотел швырнуть его в огонь, но другой человек, крепкий, чернобородый, в высокой чалме, бросился перед ним на колени. Потом старик в белой одежде начал свой танец, и перед ними стало рождаться из огня чудесное существо – Дракон, и он казался ручным... Затем было много всего – пролетали дни и годы, охваченные войнами; ураган, безумный вихрь затягивал его, не отпускал. Но одно и то же видение, преодолевая все преграды, являлось к нему: лицо человека с волчьими глазами, изуродованное шрамом; и другое лицо – лицо женщины; ее темные неподвижные глаза готовы были испепелить его в своем пламени... И вновь из огненного клубка, творимого стариком, рождался Дракон, но уже другой. Это был грозный и беспощадный разрушитель. Взмыв над землей, под открытым небом, Огненный Дракон сорвался с горы и полетел вниз, чтобы уничтожить, сеять смерть и ужас... Они, беглецы, по собственной воле избежали участи повелевать маленьким народом в горах и сгинуть там же, среди гробниц, в которых покоились повелители прошлых веков... Затем проносились перроны и порты, города; на цирковой арене танцевал его друг; алое чудовище исполинского размера двигалось вместе с ним и вдруг стало стремительно при-

ближаться; оно ударило его, бросило в темноту... И вновь шло время, и тогда явилась девочка – тоненькая, рыжеволосая, с синими, как летнее небо над океаном, глазами, с доброй и ласковой улыбкой. Она смеялась, тащила его в знакомые комнаты, к игрушкам и куклам, а он, наслушавшись славного лепета, усаживал девочку к себе на колени и говорил. И сам удивлялся тому, как внимательно она слушает его, как радостно, взволнованно и отчего-то грустно светятся ее глаза. И опять пробегали годы, и являлись новые лица, так хорошо знакомые ему; но эти видения были уже смутны: он пытался поймать их, остановить, но это никак не получалось, как он ни старался... Вдруг линии стали четкими, что-то остановилось, обрело цельность... Ночь, от причала отходил пароход; город, такой знакомый и близкий, светившийся огнями, скрывался в тумане и сумраке. Он ясно видел свои руки, сжимавшие поручни, пальцы, – но безымянный был пуст! То, что столько лет было с ним, исчезло. В его каюту вошла женщина (так ясно напомнившая ему другую, которой давно не было в живых!), и вдруг он почувствовал укол: сердце его пронзила боль – она оглушила... и опустошила его. Видение дрогнуло, стало рассыпаться, лампочка под потолком каюты налилась светом; этот свет разрастался, превращаясь в огромный пылающий шар, пока наконец не ослепил его, ввалившись в проем окна...

Зажмурившись от яркого солнца, тяжело дыша, Огастион Баратран держался за грудь. Слева, под соском, его пытала

такая боль, словно сердце готово было вот-вот разорваться. Что же случилось? Что он видел – там, в будущем?! Ладонью свободной руки старик прикрыл глаза.

Боль медленно отступала...

Он обязательно расскажет своим ученикам о великом путешествии, которое они совершили с Каем Балтазаром, своим другом! Расскажет, когда убедится, что не промахнулся в своих учениках. Что каждый из них – достоин его откровения. А главное, когда их будет не трое – четверо. Ведь это должно случиться. Обязательно. Эта девочка с удивительными синими глазами и ясной улыбкой должна стать частью их семьи! Иначе горе его будет безутешно. Лучше других он знает, что в ней, пока еще – подростке, живет толика неспокойной и неистовой души его друга – ее деда.

Только бы силы раньше времени не оставили его!..

2

Давид и Пуль шли вдоль набережной Пальма-Амы, за которой светилась весенним солнцем бухта, пестрая от паровозов, яхт и рыбацких лодок. За бухтой, вбирая в себя все солнце без остатка, переливаясь всеми оттенками золотого, сверкал океан.

Они прошагали молчком полмили.

– Ты скоро станешь таким же молчаливым, как Вилий Леж, – сказал товарищу Пуль.

– Я уже стал таким, – хмуро откликнулся Давид. Он выбросил недокуренную папиросу, посмотрел в сторону океана. – Это как во сне: хочешь закричать, но ты нем, хочешь вскочить с постели, но понимаешь, что парализован. Но из каждого кошмара можно вынырнуть. Мой кошмар – явь.

– Конечно, женщина?

– Узнай я сейчас, что ее больше нет на белом свете, я посчитал бы себя счастливецом.

Придерживая шляпу, щурясь от солнца, Пуль задрал голову к весеннему небу. Там, в синеве, прямо над ними, под быстро плывущими облаками кружились стрижи. Птичья стая кочевала над пляжем, набережной и кипарисами, то и дело рассыпалась, ныряла вниз и снова взмывала в синеву. Следя за ее движением, бывший циркач сказал:

– Дело дрянь. – Он поправил шляпу и обернулся к другу. – Со мной однажды приключилось нечто похожее. Рассказывать не стану. Давать советы – тем более: рецептов для этой хвори не сыщешь. Хотя... – он неожиданно усмехнулся, – когда-то я читал, что один персидский шах, попав в подобный плен, нашел простой выход из положения.

– Какой же?

– Убил свою любовницу.

Давид усмехнулся.

– И как он ее убил?

– Это имеет значение?

– Да.

– Заколот ее в постели – сразу после очередной любовной игры. – Пуль покачал головой. – Но вам, дружище, я не предлагаю пользоваться такими рецептами!

Он не заметил на губах своего друга странной усмешки...

Весна оживила город. Уже давно град не хлестал по утрам в окна домов. Прошли ледяные ливни. Дующие с океана ветра, приносящие терпкую соленую влагу к маленьким ресторанчикам и рынкам, что растянулись вдоль всего побережья, стали теплее. Пальма-Ама наполнялась благоуханием расцветающей природы.

– Прокатимся? – предложил Пуль, обернувшись к догнавшему их открытому, свободному от пассажиров экипажу. – Сегодня в цирке на Весенней площади премьера. Дрессированные тигры и леопарды госпожи Долорес Род, а также ее обезьянки и собачки. Но это не самое главное. Там будут акробатки, с которыми я хорошо знаком. Девицы – прелесть! А Кларисс, воздушная гимнастка, просто сведет тебя с ума. Даю слово, все они будут счастливы, если мы приедем к ним вместе. Ну же, Давид, соглашайся! Вот и наш извозчик! А усищи-то у него какие!..

Вслед за Пулем и Давид обернулся на дорогу. Кнут старика-возницы легко шелкнул над крупами лошадей, экипаж припустил вперед.

– Эй! Куда?! Каналья, – ничего не понимая, возмущенно пробормотал Пуль. – Проучить бы наглеца! – И тут же взглянул на товарища. – С тобой-то что?..

Давид стоял, не двигаясь, а затем оттолкнул Пуля, словно тот мешал ему, и бросился вслед за экипажем. Тот уже далеко обогнал их и уезжал вперед. Застыв на тротуаре, Карл Пуливер недоуменно смотрел вслед своему другу. Давид на ходу заскочил в экипаж, но возница даже не обернулся на своего неожиданного седока, словно это его и не касалось.

– Куда мы едем, Ясон? – спросил Давид, когда экипаж всюю катил по набережной.

– Тут близехонько, сударь, – ответил извозчик.

Минут через пять экипаж остановился у парадного входа той самой гостиницы, где Давид прожил месяц, ожидая Евгению. Глядя на обшарпанный фасад здания, обращенный к порту, он думал, что все, происходившее с ним тогда, было вовсе не с ним, но с другим человеком. Что тот Давид, который был раньше, остался где-то между Гроссбадом и Пальма-Амой на огромном дрейфующем корабле, с пачкой мокрых папирос в кармане плаща; не знающий ни того, что ему делать, ни того, куда плыть, к какому берегу пристать... Но что же тогда происходило с этим Давидом, что сидел сейчас в экипаже?

– Где она? – спросил он. – Номер?

– Шестьдесят четвертый, сударь, – ответил возница.

Давид проскочил мимо метрдотеля. Третий этаж, темный коридор, знакомая дверь. Переведя дух, он постучался в свой номер. Еще раз. И еще. Но открывать дверь ему не то-

ропились.

Тогда он с силой толкнул дверь...

Комната была пуста. Остановившись в самом центре ее, Давид тупо разглядывал знакомые предметы. Затем он сорвался с места. Распахнул оба шифоньера. Отодвинул все картины, ища крохотный глазок в стене, через который он мог предстать сейчас таинственным зрителям в образе зверя, мечущегося в тесной клетке. В длинном зеркале он поймал свое лицо – оно было мертвенно-бледным, неузнаваемым, с глазами потерявшего разум человека... С трудом соображая, зачем он здесь, Давид выглянул в окно – коляски Ясона у парадного не было. Над ним вновь посмеялись? Вряд ли! Неожиданно взгляд его наткнулся на конверт, заправленный одним концом под голубой умывальный кувшин.

«Г-ну Валери» – значилось на конверте. Разодрав его, вытащив надушенный, сложенный вдвое лист знакомой розовой бумаги, Давид прочитал написанные бисерным почерком строки:

«Жду тебя сегодня в полночь в Жеррадоне, на углу улицы Чудаков и Темного переулка».

Подписи не было. Давиду захотелось разорвать письмо, немедленно уничтожить пропитанный ее ароматом клочок бумаги. Но он только скомкал его в кулаке...

Давид подошел к окну, за которым открывался знакомый вид на порт и бухту за ним, сейчас залитые солнцем. Он еще не верил, что поедет туда. И точно знал, что сделает так, чего

бы ему это ни стоило.

3

Этой ночью черная ограда Жеррадона показалась ему прочной сетью, которую сплел огромный седой паук – замок герцогини: темный, спящий в окружении гигантского парка.

Давид подошел к чугунной ограде и вдруг замер. Справа зашуршала листва, раздалось рычание. Давид отпрянул: у самой ограды, по ту ее сторону, он увидел два блеснувших в неярком лунном свете глаза. Собака с черной, как смоль, шерстью смотрела на него. Клокочущий низкий звук в ее горле то нарастал, то становился тише.

Давид двинулся вдоль ограды. Собака зарычала громче. Ее тень, так же как и металлический шум скользящего по тросу патрона, и звон цепи, двигались за ним.

Вдруг Давид остановился.

У ограды, рядом с раскидистым дубом, вывалившим добрую часть своих ветвей из парка на улицу, он увидел силуэт женщины. Рык собаки мгновенно стих. Присмотревшись, Давид уловил светлое пятно обращенного к нему лица. Он подошел ближе, разглядел руку в черной перчатке, лежащую на чугунном кольце между двух копий ограды.

– Зачем ты сделала это? – спросил он.

Услышав чужака, собака захрипела.

– Пошла прочь, – повелительно сказал женский голос.

Зазвенев цепью, черная тень нырнула в кусты.

– Ты, как всегда, придумал себе больше, чем было на самом деле, – сказал тот же голос. – Бедный Давид! Нельзя так расстраиваться по пустякам. Я просто хотела избавиться от несносного пса. Он действительно ни за что ни про что укусил меня. Что же касается горбуни, так, увидев тебя, поверь мне, Руфь просто помешалась. Она стала смотреть на меня волком оттого лишь, что я занимаюсь любовью с таким красавцем, а она разводит свои кактусы в оранжереях герцогини. Я захотела ей сделать приятное. Что здесь дурного? Было бы лучше, если бы она со зла всыпала мне как-нибудь мышьяку в суп? Или нам обоим? Что же касается отца Равенны, Давид, неужели ты думаешь, что я бы выдала ему твое присутствие? Да меня бы герцогиня за такие проделки первой выгнала бы из дому! Да и зачем мне было так поступать? Для чего? – Голос ее стал вкрадчивее. – Я бы только потеряла тебя. А это было бы слишком жестоко – для нас обоих!

– Ты давно потеряла меня, – проговорил он.

– Я так не думаю, – отозвалась Лейла. – И, знаешь, скажу тебе больше: в пятницу в Королевской опере дают «Аиду». Я хотела бы, чтобы мы пришли вместе.

Давид сжал кулаки – он не мог найти в себе силы сделать то, что решил. Как ясно он представлял себе все это еще час назад, когда сидел, запершись в своей комнате, в доме Огастiona Баратрана!..

Он быстро зашагал вдоль парка – прочь от нее. Но Лейла

шла тенью за ним по ту сторону ограды, а за ней, не отставая и не обгоняя, слышался тихий, ползущий звон стальной цепи.

Давид остановился. Остановилась и тень за оградой.

– Ты больна! – громко прошептал он. – Ты неизлечимо больна.

– Где же твое лекарство? – усмехнулась Лейла. – Вылечи меня, Давид. А заодно и себя. Ведь ты за этим сюда пришел. Не так ли? Ну же, смелее!

– Что нам делать дальше? – спросил он.

– Любить, – ответила она.

– Любить – но как?

– Как мы это делали всегда, Давид. Подойди, – протянув ему сквозь ограду руку в перчатке, тихо сказала Лейла. – Иди, поцелуй меня.

Он не двигался с места.

– Ну же, я не укушу тебя.

Давид подошел к оградке, взял ее руку. Он увидел глаза Лейлы – бесстрастные и холодные. Взяв ее за локти, притянув к себе, он коснулся губами ее губ... Лейла вскрикнула, вырвалась; срывая перчатку с правой руки, отшатнулась от ограды. В следующую секунду Давид едва успел отскочить назад – собака метнулась к нему черной тенью из-за кустов. Встав на задние лапы, брызгая слюной, она хрипло лаяла, готовая перегрызть чугунные прутья, лишь бы добраться до того, кто обидел ее хозяйку.

– Прочь, – вновь сказала Лейла.

Собака не послушалась.

– Я же сказала – прочь!

Еще продолжая хрипеть, собака сникла, нехотя повиновалась. Лейла оторвала пальцы от губ – ее рот и подбородок были в крови.

– Мстить – это невеликодушно, – сказала она, приближаясь к ограде, сжимая в кулачках чугунные прутья. – Слышите, господин Валери?

– Я хочу, чтобы ты знала, – проговорил Давид. – Я сделаю то, что хотел сделать сегодня. Обязательно сделаю. Все теперь будет зависеть только от тебя.

4

Через три дня, вечером, они сидели в ложе Королевской оперы. Внизу гудел партер. В оркестровой яме, среди колоннады тянувшихся вверх пюпитров с разложенными на них нотными листами, шла утонченная, почти божественная возня: музыканты настраивали инструменты, наполняя театр легкой притягательной какофонией.

Лейла была в облегающем черном платье, глубоко обнажавшем ее грудь и спину – и если не смотреть на талию и бедра, в нем она казалась почти голой. Смоляные волосы, убранные в высокую прическу, напоминали сложивший лепестки тюльпан – самые непослушные локоны доходили до

смуглого золотистого плеча. На шее сверкали нити бриллиантов. Нижняя губа молодой женщины чуть припухла – след его нелепой мести! Уголки же губ все так же выдавали иронию и коварство. Скрещенные на бедрах тонкие руки напоминали уснувших змей. И золотой браслет на запястье левой сверкал так знакомо и опасно!..

Давид до сих пор не знал, как вести себя с ней!

Наконец бесчисленные огни, спрятанные в хрустале гигантской люстры под потолком, стали гаснуть, ввергая зал оперы и публику во мрак. Оркестровая яма затаилась. Вслед за ней быстро угасли голоса в партере и ложах. Море голов внизу замерло. В наступившем сумраке остались одни только шорохи. Давид слышал дыхание своей спутницы. Забыв о сцене, он ловил краем глаза ее профиль. В этот вечер они не обмолвились и двумя словами, и теперь молчание смертельно тяготило его! Давид хотел было сказать хоть что-то, но в эту минуту оркестровая яма и занавес брызнули светом, а следом грянула увертюра... Когда же она отзвучала, и, вздрогнув, занавес поплыл в стороны, Давиду меньше всего думал о мире фараонов, мужественных воителей, прекрасных женщин, любви и предательства – он с особой жадностью ловил каждое движение Лейлы. Ее облик снова завораживал его. Он заставлял Давида забыть о музыке, обо всем, что было вокруг. Ее тело вновь сводило его с ума своей легкой грацией, животной силой и красотой, которую так просто и так великолепно подчеркивала оправа из шелка и брил-

лиантов. Давид ненавидел и боготворил эту женщину. И презирал себя – презирал за то, что простить вновь оказалось легче. Нет, он лгал себе: не простить, но, обманывая самого себя, забыть.

Хотя бы не вспоминать!

Когда же зал Королевской оперы дрогнул от торжественного марша «Аиды», рука Лейлы внезапно потянулась к его руке и сжала пальцы. И более красноречивого жеста нельзя было придумать!

И ждать от нее...

В открытом экипаже они ехали по ночной Пальма-Аме. Карет в этот час было множество. У подножия города раскинулся океан: время от времени его открывали каштаны и крыши домов. Ползущие огоньки пароходов и яхт оживляли черную пустыню, уходящую к горизонту.

Было прохладно. Полуголая в своем наряде, под шуршание колес о мостовые, Лейла куталась в манто. Когда ветер разрывал легкое облако аромата духов, легко и жадно касаясь кожи, она, опустив ресницы, прятала губы и кончик носа в мех.

– Выпьем по бокалу шампанского в «Алой розе»? – вдруг предложила она. – Помнишь, там чудесный скрипач?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.